

«Идеальное сочетание сильных персонажей
и невероятных сюжетных поворотов.
Блестящая научная фантастика».

ЭМИ КАУФМАН, автор бестселлеров New York Times

ЭТА СМЕРТЕЛЬНАЯ СПИРАЛЬ

ЭМИЛИ СУВАДА

Эмили Сувада
Эта смертельная спираль
Серия «Young Adult.
Антиутопия. Дети апокалипсиса»
Серия «Эта смертельная
спираль», книга 1

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40989347

Эта смертельная спираль: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-100173-5

Аннотация

После вспышки вируса, который буквально разрывает людские тела на куски, жизнь Катарины превратилась в кошмар. Ее отец, легендарный генетик, подаривший миру надежду на выздоровление, был похищен секретной организацией «Картакс».

Когда на пороге дома Катарины появляется тайный агент «Картакса», Коул, девушка понимает, что смерти не избежать. Но вопреки ожиданиям солдат приносит сообщение: убит ее отец. Перед смертью генетику удалось создать вакцину. И теперь Коулу нужна помощь, чтобы воспроизвести лекарство для спасения человечества. Вот только готова ли Катарина довериться врагу?

«Пугающий, насыщенный действиями дебютный роман
Эмили Сувада, от которого захватывает дух...»
Publishers Weekly.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	40
Глава 4	56
Глава 5	66
Глава 6	78
Глава 7	91
Глава 8	105
Глава 9	118
Глава 10	135
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Эмили Сувада

Эта смертельная спираль

*Эдварду,
моему лучшему другу, моей любви,
моему вдохновению.
Ты самый яркий локус¹
моего сердца.*

Emily Suvada
This Mortal Coil

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

¹ Локус – в генетике участок хромосомы, занимаемый одним геном.

© Норицына О.Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

В закатном небе полыхают огни, но дело не в облаках или пыли, а в переливающихся перьях странствующих голубей² с взломанным геном. Они парят в небе, словно живая картина импрессиониста, сливаясь в сверкающие оранжево-золотые дуги и водовороты. Их причудливые крики напоминают звон стекла, в которое бросили камешек, а движения невероятно синхронные, перекрывающие свет солнца.

Кодировщики-любители в Неваде восстановили ДНК давно вымершего голубя, а затем изменили ее, превратив невзрачную птицу во что-то неожиданное и привлекающее внимание. С острым как бритва кончиком клюва. Что-то, способное съесть все, что угодно. И меняющее цвет перьев одним движением, чтобы предупредить всю стаю об опасности.

За годы работы они создали голубей, которые превзошли своих предшественников. Они стали стройнее, умнее, свирепее.

И выглядят как языки пламени.

Я склоняюсь над перилами крыльца хижины, прижимаюсь бедрами к дереву и, прищурившись, смотрю в прицел па-

² Странствующий голубь – вымерший вид семейства голубиных, который обитал в лиственных лесах Северной Америки. Птицы вели кочующий образ жизни, собираясь в огромные стаи по миллиону особей.

пиной винтовки. Издалека стая кажется размытым цветным пятном, но благодаря прицелу и моему зрительному модулю, обостряющему зрение, я могу различить крылья и грудные клетки птиц.

– Давай, птенчик, – нажимая на курок, выдыхаю я.

Выстрел эхом отражается от гор, а воздух наполняется запахом пороха. Я сделала его сама, используя дешевую второсортную серу, которую измельчила до крупиц и набила в цоколь дротика с транквилизатором, чтобы сбить птицу, не убивая ее.

Даже с помощью зрительного модуля я не могу уследить за дротиком, который со свистом пронзает воздух. Свист настолько высок, что звуковые фильтры приравнивают скорость полета ко второй звуковой. А значит, я снова ошиблась в расчетах. Я отвожу взгляд, но слишком поздно: успеваю заметить, как дротик врезается в голубя, и вокруг рассыпаются пучки цветных перьев.

– Черт возьми, – я взрываюсь, отставляя винтовку в сторону и не потрудившись поставить ее на предохранитель.

Теперь ее можно использовать лишь как тринадцатикилограммовое пресс-папье, потому что у меня закончились патроны. Ну, если не считать того, что висит у меня на шее. Но он только для крайнего случая.

Мертвая птица камнем летит вниз и приземляется на скалистый берег крошечного одинокого озера неподалеку от хижины. Стая мгновенно меняет курс, и тут же раздается

пронзительный предупреждающий крик, который отражается эхом от крутых горных склонов, напоминая автоматную очередь.

– Да знаю, знаю, – бормочу я.

Стая яростно разлетается в стороны, а их оперение становится малиновым, предупреждая об атаке. Но я не хотела причинять птице боль. Она должна была стать подарком. Мне хотелось, чтобы у соседки Агнес появилась компания, поэтому собиралась подарить ей маленького питомца с измененными генами. Но теперь придется хоронить птицу, потому что, черт побери, я не собираюсь ее есть. Мало кто ест мясо после вспышки.

За последние два года мы узнали то, чем не могли пренебречь: животные очень похожи на людей.

Деревянные перила крыльца скрипят, когда я перепрыгиваю через них, чтобы пересечь двор и отправиться к комку перьев у озера. Ветер заигрывает с травой, выросшей по колено, рисует рябь на воде, подхватывает крики голубей и смешивает вечерний холод с ярким, насыщенным ароматом леса.

Здесь дикие места. Эта уединенная долина, расположенная в глубине Блэк-Хилс, последние три года считалась моим домом и убежищем от вспышки. Озеро со всех сторон окружают горы, заросшие лесом, а моя ветхая бревенчатая хижина стоит всего в нескольких минутах ходьбы от берега. Она так хорошо укрыта от глаз, что вы вряд ли ее найдете,

если не знаете, где она находится, но при этом от нее легко добраться до города даже на велосипеде. Учитывая происходящее, это прекрасное место, чтобы пережить апокалипсис, если не учитывать единственный недостаток: отсутствие хорошей связи.

– Привет, Рысь. Это... Агнес...

Я склоняю голову, когда старушечий голос Агнес, сопровождаемый треском, раздается в моих ушах через подкожный коммуникатор. Она связывается со мной почти каждый день, но предпочитает не писать, а звонить, даже если мне ее плохо слышно. Я закрываю глаза, чтобы мысленно переключиться на текстовый интерфейс для отправки сообщений, но ее голос вновь прорывается вместе с помехами.

– Срочно... опасность...

Ее голос стихает. Даже помех не слышно.

Я кружусь на месте, затем взлетаю вверх по склону горы.

– Агнес? – кричу я.

Чертовы русские спутники. Им уже лет сто, но это все, что у нас есть, с тех пор как «Картакс» захватил все остальные коммуникации на планете. Мой коммуникатор хорошо принимает текстовые сообщения в хижине, но каждый раз, когда мне хочется с кем-то поговорить, приходится бежать почти километр в гору.

Вновь раздаются помехи.

– ...слышишь меня... Рысь?

– Держись! – кричу я, мчась по скалистому склону.

Тропинка, петляющая между деревьями, все еще влажная после вчерашнего дождя. Соскальзывая и пытаюсь сохранять равновесие, я мчусь вверх.

Агнес может быть ранена. И сейчас она в полном одиночестве. Старушка – крепкий орешек, к тому же вооружена, но в этом мире есть вещи, с которыми и ей не справиться. Вещи, от которых нельзя вылечиться.

– Я почти добралась! – кричу я, заставляя себя сделать последний рывок.

Я вылетаю на поляну на самой вершине и сгибаюсь пополам.

– Агнес? Ты в порядке? Ты слышишь меня?

В ушах тишина, нарушаемая лишь эхом от передачи звука спутником, а затем вновь раздается голос Агнес.

– Я в порядке, Рысь. Не думала, что напугаю тебя.

Я падаю на колени в траву, пытаюсь отдышаться.

– У меня чуть сердечный приступ не случился.

– Прости. Но зато теперь я знаю, как заставить тебя отвечать на звонки.

Я закатываю глаза и убираю с лица мокрые от пота волосы.

– Что такого срочного?

– Ты на своем холме?

– Ну, теперь да.

Она хихикает, и ее голос прерывается помехами.

– Мне только что позвонил один из местных жителей. Они заметили джип в твоём районе. Черную громадину. Ты ви-

дишь что-нибудь оттуда?

Я поднимаюсь на ноги и осматриваю лес. Отсюда в ясный день можно видеть местность на многие километры вокруг. Передо мной раскинулись гранитные скалы Блэк-Хилс, окутанные соснами, усеянные озерами и паутиной дорог, укрытых листвой. Еще два года назад шоссе на восток в темное время постоянно освещалось фарами проезжающих автомобилей, по небу летали самолеты в Рапид-Сити, а сквозь деревья виднелся свет от окон домов. Но сейчас холмы лежат в темноте, а шоссе кажется пустой черной полосой.

Дома заколочены, земля в воронках. Меня тошнит от одного этого вида, но только здесь у меня отлично ловит приемник.

– Не вижу никаких фар, – бормочу я. – Возможно, они используют тепловизоры. Ты уверена, что это был джип?

– Мне сказали, что он выглядел совершенно новым. Должно быть, это «Картакс».

Волосы зашевелились у меня на затылке. Я никогда раньше не видела здесь джипов. Обычно войска «Картакса» разъезжают на замаскированных грузовиках и посылают свистящие беспилотники для воздушной поддержки. Я снова осматриваю лес, напрягая зрительный модуль, пока глаза не начинают болеть.

– Я тебе звонила, – говорит Агнес. – Несколько раз за последние пару дней.

– Я торчала в лаборатории, – осматривая дороги, бормочу

я. – Пытаюсь сделать порох.

– Звучит не очень безопасно.

Я усмехаюсь и провожу пальцами по чувствительной, недавно наращённой коже на ладонях.

– Ну, случилась парочка взрывов. Но ничего масштабного, с чем бы не справились мои модули.

Агнес щелкает языком.

– Рысь. Когда ты ела в последний раз?

– Ну... вчера?

– А у тебя есть чистая одежда?

Я смотрю на грязные свитер и джинсы.

– Ну...

– Немедленно приезжай ко мне, юная леди. Мне не нравится этот джип, к тому же тебе пора выбраться из этой богом забытой лаборатории хотя бы на ночь. Езжай прямо сейчас, слышишь?

Я сдерживаю смех, готовый вырваться в ответ на ее слова.

– Хорошо, Яя. Скоро буду у тебя.

– Черт побери, конечно, будешь. И захвати с собой грязную одежду.

Связь шипит и со щелчком затихает, а я продолжаю стоять с улыбкой на лице. На самом деле Агнес не моя YaYa³, но ведет себя именно так. У нас разные ДНК, но мы разделяем еду и слезы, а с момента вспышки только это и имеет

³ YaYa – обозначение набора хромосом, при котором потомку передаются те же гены, что и у родителя.

значение. Иногда мне кажется, что мы все еще живы только потому, что не хотим оставлять друг друга в одиночестве.

Я потягиваюсь и осматриваю лес в последний раз, прежде чем отключить зрительный модуль. Вшитая в предплечье панель, питающая все мои примочки, сжигает несколько сотен килокалорий в день даже в автономном режиме, а стол у меня не ломится от еды. Взгляд затуманивается, пока привыкают глаза, поэтому я только через секунду понимаю, что на горизонте появились клубы газа, которых там раньше не было.

– Ой-ой.

Я замираю, отсчитывая секунды, пока до меня донесется звук взрыва. Дымка поднимается вверх, а потом начинает расползаться по небу, как огромный гриб. Стая голубей разбивается на обезумевшие, испуганные вихри, которые уносятся от образовавшегося облака. Через пятнадцать секунд я слышу хлопок, а значит, эпицентр находится примерно в пяти километрах. Слишком далеко, чтобы рассмотреть детали, но мне кажется, что у облака бледно-розовый оттенок.

Как у человеческого тела, когда его клетки лопаются, выпуская в воздух туман.

Облако гидры.

Живот тут же сводит. Если ветер дует в мою сторону, то облако может меня убить. Хватит и одной секунды. Один глубокий вдох кружащих в воздухе частиц вируса, и он проникнет в каждую клетку. Тело охватит жар, запуская инкуба-

ционный период, а через две недели оно взорвется, как граната, заражая всех в радиусе полутора километров.

От него нет лекарства, нет лечения. Можно лишь поддерживать иммунитет, но последнюю дозу я приняла целых двадцать шесть дней назад.

– Это... Рядом с тобой? – доносится сквозь помехи голос Агнес.

Я закрываю глаза и посылаю мысленную команду коммуникатору, чтобы переключить его в текстовый режим. Он медлительнее – мне приходится сосредотачиваться на каждом слове, – зато не нужен четкий сигнал.

«Пять километров. Дует на восток. Маловероятно, что я попаду в радиус», – посылаю я.

«Тащишь сюда скорее», – отвечает она.

«Уже иду».

И ей не нужно повторять дважды.

Вернувшись к тропе, я останавливаюсь и смотрю на облако. Оно вдвое больше тех, что я видела во время вспышки два года назад. Вирус прогрессирует, а взрывы становятся сильнее. Если они и дальше будут расти, то скоро не будет смысла искать укрытие.

Я отбрасываю эту мысль и сбегая с горы, пытаюсь не вляпаться в грязь. Нет смысла паниковать из-за облака, которое так далеко, но трудно успокоиться, зная, что мой иммунитет

ослаблен.

Я добегаю до деревьев и оглядываюсь назад, успокаивая себя тем, что облако далеко, и мне ничего не грозит. Я добе-
русь до Агнес, и она, как всегда, накормит меня чечевицей и
отвратительными леденцами с лакрицей, которые делает са-
ма. Мы растопим ее дровяную печь и поиграем в карты. Так
просто. И легко. Но как только среди деревьев появляется
хижина, я чувствую еще один взрыв и резко останавливаюсь.

Второе устрашающее розовое облако взмывает вверх,
взметая листья. Оно так близко, что я даже забываю отсчи-
тать секунды до звука. Дымка клубится в воздухе, как живое
ворочающееся существо, пробирающееся сквозь лес и пуга-
ющее голубей. Ветер уносит ее от меня, но он может изме-
ниться в любое мгновение.

Это облако слишком близко. Нужно уносить отсюда ноги.

Имя Агнес всплывает у меня перед глазами, когда я мчусь
с горы.

«Второй взрыв».

«ЗНАЮ», – отвечаю я, скользя к подножию холма.

*«Не нравится мне это, рысь. Не стоило допускать ослаб-
ления иммунитета»,* – пишет она.

Мне нечего ответить, потому что она права; я поступила
опрометчиво, когда перестала принимать дозы. Но у меня
имелась на это причина, вот только сейчас я чувствую, как

горят щеки от сознания своей глупости.

Перепрыгнув ступени, я приземляюсь на крыльцо хижины, хватаю рюкзак, нож и поднимаю винтовку, но тут же бросаю ее обратно. Мертвый груз. Я мчусь к велосипеду, старому ВМХ с поржавевшей рамой, который может проехать по лесным тропам. Затем перекидываю рюкзак через плечо, засовываю нож за пояс и вытаскиваю велосипед из кустов, где обычно его прячу. Я уже вцепилась в руль и перекинула ногу через раму, когда уловила звуковым модулем то, что заставило меня пригнуться к раме.

Шорох. Очень близко. Без звукового модуля я бы ничего не услышала, но благодаря ему могу разобрать медленные, тяжелые шаги. Кто-то, шатаясь, идет по лесу. Так двигаются зараженные люди.

Они прямо за мной, за деревьями, и приближаются.

– О черт, – выдыхаю я, чувствуя, как дрожат руки.

«Они рядом со мной», – посылаю я сообщение Агнес. Мысли так быстро проносятся в голове, что я едва могу сосредоточиться на словах.

«ПРЯЧЬСЯ», – отвечает она.

Это сообщение настолько похоже на нее, настолько безумно и необычно, что я даже не раздумываю. А просто бросаю велосипед и бегу.

Хижина слишком далеко, но рядом с озером есть ива, и

я взбираюсь на нее, царапая о кору недавно исцеленные ладони. Отталкиваясь ногами и цепляясь за дерево, я на чистом адреналине за считанные секунды взлетаю наверх. И как только устраиваюсь там, из кустов выбирается человек. Его запах доносится до меня в то же мгновение, когда человек заваливается в озеро.

Без сомнения, это дурманщик. Он падает на колени в мелководье, с трудом вдыхая влажный воздух. Он очень тяжело ранен. По его рукам из многочисленных ран и следов укусов, покрывающих кожу, стекают алые реки. Похоже, на него напала толпа. Сквозь дыру в щеке видны зубы, глаза опухли, а от ушей остались одни хрящи.

Он истекает кровью и дрожит от лихорадки. А значит, точно заражен. Уже наступила вторая стадия, и до взрыва, скорее всего, остался день. Даже зажав пальцами нос, я все еще чувствую его запах, и от этого тело начинает дрожать.

Нет ничего лучше запаха инфекции. Ни вонь, ни духи не скроют резкого серного дурмана, который источает кожа жертвы гидры. Некоторые сравнивают его с запахом горящего пластика или воздуха после удара молнии. А мне всегда казалось, что зараженные пахнут горячими источниками, на которых я бывала в детстве. Но каким бы ни было сравнение, поразмышлять над этим не получится, потому что как только вы вдыхаете этот запах, он тут же окутывает вас.

И это еще не все.

Я стискиваю зубы, пытаюсь побороть собственное тело. И

неосознанно впиваюсь в кору скрюченными пальцами. Его запах не повредит мне – дурманщики заразны только когда взорвутся, – но он опаляет разум, вызывая реакции, которые невозможно контролировать. Даже дыша через рот, я чувствую, как он нашептывает мне из глубин словно проклятие. Он хочет, чтобы я схватила заточенный нож и вылезла из укрытия.

Чтобы высвободить монстра, который просыпается во мне, как только я ощущаю малейшее дуновение инфекции.

Но я не хочу поддаваться. Поэтому крепко стискиваю ветку, качаю головой и включаю связь.

«На... дереве... над ним», – пишу я Агнес.

Мужчина пытается встать, но он слишком слаб. Он со стоном падает на колени. Ветер подхватывает его запах и несет к дереву, обрушивая на меня словно удар.

«Ты должна это сделать», – отвечает Агнес.

Я моргаю, не в силах что-либо написать. Тело дрожит, перед глазами все расплывается.

«У тебя нет выбора, рысь. Это единственный способ».

«Нет», – пишу я, но затем удаляю, потому что знаю – она права.

Или потому, что запах уже схватил меня за горло, уничтожил самоконтроль. Но как бы там ни было, в полутора километрах от меня висит облако, и есть только один способ выбраться отсюда живой. Мне нужно повисить иммунитет или я умру. Все просто. Поэтому я вынимаю нож, чувствуя, как сводит живот от осознания того, что мне придется сделать.

Человек начинает плакать, не обращая на меня внимания. Кровь, струящаяся из укусов на его коже, образует алые вихри в прозрачной воде озера. Один кусок его плоти, проглоченный в ближайшие несколько минут, даст мне иммунитет от вируса на следующие две недели. Это самая ужасная сторона вируса гидры: она вынуждает здоровых людей есть больных. Охотиться, убивать и питаться друг другом, чтобы спасти себя. Природа создала эту чуму как обоюдоострый меч: либо болезнь забирает вашу жизнь, либо человечность.

Уставившись на человека, я переступаю с ноги на ногу на ветке и стискиваю нож так, что белеют костяшки. Второй рукой я все так же зажимаю нос, в отчаянной попытке сдержать запах и хоть еще мгновение сопротивляться ему. Коммуникатор шипит в ушах. Агнес знает меня достаточно хорошо, поэтому догадывается, что я колеблюсь, поэтому пытается дозвониться до меня, крича, что человек все равно умрет, и ему бы хотелось, чтобы это произошло.

Но я не хочу ничего слышать. Не хочу оправдывать его убийство, продолжать круг смерти. Вот почему я переста-

ла принимать дозы, и мой иммунитет ослаб. Я просто хотела несколько драгоценных недель наслаждаться жизнью без чьей-то крови, несущейся в моих венах. Хотела удержать монстра взаперти, подавить свои инстинкты.

Но голод усиливается.

Руки трясутся, а резкий, серный запах дурманщика вгрызается в мои легкие. Это неврологическая реакция. Дурман будет вбиваться в голову, как таран, пока у меня не закончатся силы сопротивляться.

И когда я наконец убираю руку от лица, позволяя запаху наполнить легкие, это как первый вдох.

На мгновение меня захлестывает эйфория свободы и невесомости, как бывает на американских горках перед тем, как помчаться вниз.

Но затем следует удар. Шок. Мышцы пронзает тайфун ярости, я скалю зубы и рычу.

Взгляд замирает на человеке подо мной, рука сжимает нож.

Мир окрашивается в алые цвета, и я отдаюсь силе гравитации.

Глава 2

Двумя годами ранее

– Выглядит забавно, – говорит Дакс. – Что ты задумала, принцесса?

– Если ты еще раз так меня назовешь, я тебя застрелю.

Надо мной раскинулось чистое, лазурно-голубое небо, на котором ярко светит солнце, отражаясь от перьев стаи странствующих голубей. Они мерцают белым и золотым, пока птицы кружатся и петляют в воздухе, наполняя его своими странными пронзительными криками. Я стою на крыльце хижины и уже минут пять целюсь в них из папиной винтовки, не в силах спустить курок.

– Знаешь, принцесса, ты неправильно ее держишь.

Я издаю стон и поворачиваюсь, и ствол винтовки оказывается нацелен в грудь Дакса. Он тут же хватается за него и предохранитель щелкает.

– Ладно, – говорит он. – Думаю, следует запомнить, что Агатта не бросает слов на ветер.

– Прости, – резко отвечаю я, уставившись на винтовку. – Я... Я не думала.

– Не думала? Как будто это впервые.

Он прислоняет винтовку к стене хижины и скрещивает руки на груди, одаряя озорной улыбкой, от которой у меня всегда учащается сердцебиение.

Дакс – папин лаборант, и живет в нашей хижине с тех пор, как появился тут, умоляя о возможности поработать с великим доктором Лакланом Агаттой. Ему всего семнадцать, и он на два года старше меня, так что у него не было ни рекомендаций, ни степени, но Дакс из тех, от кого невозможно отделаться.

А еще именно он написал алгоритм от гепатита, который, по словам папы, содержал один из красивейших фрагментов кода, который он когда-либо видел.

– У меня возникли проблемы с генкитом, – приближаясь ко мне, говорит он. – Кто-то перепрограммировал его, и как только я начинаю вбивать команды, на экране появляется видео с морскими свинками.

– Что? – спрашиваю я, прислонившись спиной к перилам. – Как странно.

– Да, – подтверждает он и подходит так близко, что я чувствую его дыхание на своей коже. – Кажется, у кого-то свое мнение о моих способностях в кодировании. Не очень лестное. Кто-то предложил сохранить мою работу в папку «/никакого/прогресса».

Я сдерживаю улыбку.

– Умные морские свинки.

– Действительно. – Он отходит и смотрит на винтовку. –

Решила немного поохотиться?

Я пожимаю плечами:

– Пыталась отвлечься от конца света.

Об этом говорили на каждом канале. Каждый час появлялись сообщения о новых зараженных и прокручивались повторы видео с нулевым пациентом, который, запрокинув голову, разлетелся на куски, а из его тела вырвалось розовое облако и разнеслось по улицам Пунта-Аренас.

– Понятно, – кивнув с серьезным видом, говорит Дакс. – И ты решила выместить все это на голубях? Что ж, это справедливо. Мне никогда не нравились их маленькие глазки.

Я не могу сдержать улыбку.

– Я пыталась получить образец ДНК. Кажется, эта стая из нового штамма⁴. Думаю, в их коде может быть последняя часть стихотворения.

Скорее даже не стихотворения, а сонета. У меня уже есть три четверостишия, и я жду последний отрывок четыре месяца.

– Ага, – говорит он и хватает винтовку. – Значит, нам нельзя терять время. И у нас есть несколько птиц, чтобы в них пострелять.

Когда голуби впервые появились в небе полгода назад, папа подстрелил одного из них, чтобы взглянуть на ДНК.

⁴ Штамм (от нем. Stamm, буквально – «ствол», «род») – чистая культура вирусов, бактерий, других микроорганизмов или культура клеток, изолированная в определенное время и в определенном месте.

Их гены оказались искусно закодированы, за исключением крошечного участка, который оказался выполнен настолько ужасно, что, казалось, вообще не имел никакого смысла. Папа назвал это чушью, но она не вылезала у меня из головы, поэтому я взяла образец для анализа и пропустила через свой портативный секвенсор⁵, а затем загрузила в мой верный генкит. Но ни один из встроенных алгоритмов поиска не смог обнаружить шаблон, пока я наконец по собственной прихоти не перевела отрывок сначала в двоичный код, затем в ASCII⁶, а затем и в алфавитно-цифровую последовательность.

И только тогда я поняла его смысл. Это оказался не кусок генетического кода, а послание. В странном участке с азотистыми основаниями G, T, C и A⁷ скрывалось стихотворение.

И в этом прелесть гентеха – науки о генетическом кодировании. Вы можете запутаться в мелочах, но как только шагнете назад, то увидите общую картину, которая проступит, как солнечные лучи сквозь облака. А когда расшифровываете генетический код, заключенный в пере или клетке, то чув-

⁵ Секвенсор (*англ.* sequencer) – устройство для определения последовательности участков ДНК.

⁶ ASCII (*англ.* American standard code for information interchange) – таблица кодировки, в которой печатным и непечатным символам сопоставлены числовые коды.

⁷ ДНК состоит из двух цепочек нуклеотидов, которые спирально закручены вокруг друг друга. Между собой они соединяются парами азотистых оснований аденином (A) с тиминном (T) и гуанином (G) с, цитозином (C).

ствуете себя так, словно читаете стихи, написанные богом.

К сожалению, стихотворение «Голуби» писали любители-генетики, и оно оказалось не лучшим из тех, что я когда-либо читала, но мне все равно было интересно, чем оно закончится.

– Одного или двух? Большого или маленького?

Прищурившись, Дакс смотрит в прицел винтовки на кружащуюся в небе стаю птиц. Его красные волосы до плеч собраны в низкий хвост, но несколько свободных прядок падают на лицо. Одна из них совершенно белая, и это скорее хвастовство своим мастерством кодирования, чем дань моде. Поменять цвет волос легко, но для того, чтобы изменить только одну прядь, нужно быть мастером кодировки.

Я скрещиваю руки на груди, глядя на птиц.

– Ты действительно думаешь, что сможешь попасть в одну из них?

– Я знаю, что смогу.

Я закатываю глаза, хотя и понимаю, что он, вероятно, прав. Его зрительные модули одни из самых современных наряду с другими алгоритмами, которые размещены в панели на его руке. Она длиной от запястья до локтя и прикрыта тонким слоем нанокодированного силикона, сквозь который просвечивает полоска кобальтовых светодиодов. Внутри панели крошечные процессоры запускают коды гентеха, собранные в отдельные алгоритмы, изменяющие ДНК и тело Дакса. Эти алгоритмы управляют всем, от имплантиро-

ванных модулей органов чувств до обмена веществ и белой пряди в волосах.

Раньше компьютеры, которые могли проводить манипуляции с ДНК, занимали целую комнату, но сейчас они стали настолько маленькими, что их можно спрятать в теле. Панель гентеха – идеальное сочетание технических средств, программного обеспечения и человеческого мозга, генерирующее постоянные потоки алгоритмически созданных нанитов⁸. Они перемещаются по сети кабелей внутри тела, а затем проникают в клетки, разрушая старые структуры ДНК и искусственно создавая новые. Гентех отращивает сеть и кабели, как тело отращивает кости, или как он может отрастить кудрявые волосы, даже если человек родился с прямыми. Почти у всех такая панель появляется с рождением, чтобы расти вместе с владельцем, и у большинства людей на них сотни, даже тысячи алгоритмов.

На моем запястье всего шесть таких светодиодов. Из-за гипергенеза, аллергии на нанитов, которые управляются большинством кодов гентеха, панель в моей руке не больше прославленного сотового телефона. У меня есть стандартный исцеляющий модуль, модуль органов чувств и ключный двенадцатикилобайтный коммуникатор, который лично закодировал для меня папа. Но если загрузить в нее что-нибудь

⁸ Нанит (*иск.* от «наноробот») – робот, размером сопоставимый с молекулой (менее 100 нм), обладающий функцией движения, обработки и передачи информации, исполнения программ.

еще, хоть самый простейший алгоритм, наниты разорвут мои клетки, и я умру за несколько часов.

Это и правда иронично. Я дочь величайшего в мире кодировщика гентеха, но никогда не смогу испробовать большую часть его разработок.

Дакс нажимает на курок. Раздается выстрел, и перья разлетаются в воздухе. Одна птица описывает дугу. А затем падает на землю. Он опускает винтовку, прислоняет ее к хижине и выгибает бровь.

– Ну что, кто первый закончит стихотворение?

У меня отваливается челюсть.

– Нет, это мой проект. Ты не можешь его закончить. Это несправедливо.

Он перепрыгивает через перила и с кошачьей грацией приземляется на траву, а затем, склонив голову, улыбается мне.

– Жизнь несправедлива, принцесса.

– Ах ты, – выдыхаю я, похрустывая костяшками пальцев.

– Ты об этом пожалеешь.

Я сбегая по ступенькам крыльца и несусь по траве, чувствуя, как длинные волосы развеваются за спиной, а затем сворачиваю налево, когда Дакс пытается преградить мне путь. Он сильнее, но я быстрее, поэтому, обогнав его, первая влетаю на галечный пляж и хватаю птицу вытянутой рукой.

Но оказалось, что я недостаточно быстрая. Потому что через секунду Дакс врывается в меня, валит на землю и выры-

вает голубя у меня из рук. Я переворачиваюсь на живот и вскакиваю, как раз вовремя, чтобы схватить его за волосы. А затем со всей силой дергаю обратно. Он кричит, бросает птицу и с обезумевшим взглядом поворачивается ко мне.

Еще несколько секунд назад мы были двумя кодировщиками, обсуждающими ДНК, а теперь, как волки, кружим вокруг друг друга и сражаемся за то, что нам даже не нужно. Птица не имеет значения. Из любого пера, валяющегося на земле, можно извлечь ДНК, но дело уже не в голубе или стихотворении. А в нас с Даксом. В напряжении, которое нарастало между нами с тех пор, как он поцеловал меня на прошлой неделе, когда папы не было дома. Мы так и не поговорили об этом. И я пытаюсь притворяться, что ничего не произошло, потому что сильно боюсь, что мой гиперзаботливый папа узнает об этом и уволит Дакса. Всю неделю мы пытались работать вместе и игнорировать электрическое потрескивание между нами, словно мы два оголенных провода, с которых в любую минуту может сорваться искра.

Я перевожу взгляд на голубя. Но стоит мне дернуться к нему, как Дакс обхватывает рукой мою талию и приподнимает меня. Сердце начинает колотиться, как только наши тела соприкасаются, и я чувствую спиной его грудь. Но его ноги скользят, и, покачнувшись, мы наконец падаем в озеро.

– Дакс, нет! – вскрикиваю я и вырываюсь у него из рук, а затем убираю мокрые волосы с лица.

Он в ответ смеется. И запрокидывает голову, посылая ду-

гу из капель и брызг.

– Да не нужна мне эта чертова птица.

– Тогда почему ты начал это? Как мы теперь объясним это папе?

Дакс улыбается:

– Послушай. Он все знает, принцесса. Мы поговорили, и он не против, хотя и упомянул, что некоторые вещи ценишь больше, когда их ждешь.

– Ты издеваешься? – чуть не задохнувшись от возмущения, спрашиваю я.

– Нет. Может, все дело в апокалипсисе, а может, и нет, но я получил одобрение Агатты. Думаю, ты догадываешься, что как только мы поженимся, я возьму твою фамилию, а нашего первенца мы назовем Лаклан, в честь твоего отца. Конечно, если это окажется девочка, это имя ее не сильно обрадует, но, надеюсь, она поймет и...

– Катарина!

Мы оборачиваемся на голос и видим папу в дверях хижины.

Я смотрю на Дакса и вижу, как он бледнеет. Желудок сводит. Он лгал. Он не разговаривал с папой и не получал его одобрения, а значит, мы оба трупы. Мне пятнадцать. Наше поведение безрассудно. Мне следовало догадаться, что не стоит этого допускать, ведь теперь все разрушится.

Папа выгонит Дакса. А меня отправит в интернат. Самое яркое и счастливое время в моей жизни закончится, так и не

начавшись.

– Идите сюда оба, немедленно! – кричит папа.

– Мы просто... Подстрелили голубя... – оправдываюсь я.

– Стихотворение...

– Знаю, – отмахивается папа. – Забудь про чертову птицу и иди сюда.

Мы с Даксом обмениваемся напряженными взглядами, направляясь в хижину. Папа ругается, только когда злится, но не похоже, что он злится на нас. Дакс прыгает то на одной, то на другой ноге, чтобы стащить кроссовки. Я в это время стягиваю мокрый свитер и бросаю его на крыльцо.

Папа стоит посреди гостиной в идеально отглаженном лабораторном халате и смотрит на стены. Только на самом деле он не видит их. И даже не замечает, что мы вошли. Он вернулся в виртуальную реальность и просматривает какую-то информацию. Изображения передаются с его панели по оптоволоконным кабелям прямо в зрительный нерв. А мозгу без разницы, как их получать, поэтому то, что он видит глазами, и данные с панели сливаются, создавая единый образ. Когда папа смотрит на стену, он видит экран, на котором появляется видео, изображения или прокручивающийся поток заголовков.

Или что-то, полностью закрывающее вид. Пляж. Звезды. Благодаря панели он может выбраться из хижины и погрузиться в визуализированный мир. По крайней мере, мне так говорят. Я никогда не пробовала что-то подобное. Един-

ственная видеокарта, которая совместима с моей панелью, слишком слабая, чтобы передавать VR⁹. Все, что у меня есть – это древний процессор, способный запускать простые зрительные модули и рисовать несколько строк текста у меня перед глазами. Этого достаточно, чтобы я могла отправлять сообщения через коммуникатор, но не хватит, чтобы посмотреть фильм, поиграть во что-нибудь или даже перекодировать ДНК, как делают это все кодировщики в мире.

Один рукав папиного лабораторного халата подвернут до локтя, и на его предплечье закреплена криптоманжета. Это тонкая хромированная пластина, шифрующая передачи с коммуникатора в его панели, которую он надевает только во время важных звонков, чтобы защититься от прослушки «Картакса».

Я смотрю на манжету и чувствую, как подступает тошнота. Папа не сердился на Дакса или меня. Он говорил с кем-то о вспышке. И что бы он ни услышал, его практически трясло.

– Что происходит?

Я коснулась его локтя, чтобы он понял, что мы пришли. У него стеклянный взгляд, а значит, он, скорее всего, полностью погружен в VR.

– Вирус пронесся по Никарагуа, – говорит он. – И добрался до Северной Америки, теперь его уже ничего не остановит. Они планируют нанести авиаудары.

– По гражданским? – Я смотрю на Дакса. – Кто на это

⁹ Virtual Reality (*англ.*) – виртуальная реальность.

пойдет?

Папа моргает, разрывая сеанс. На лице появляется осмысленное выражение, и он поворачивается ко мне:

– Все пойдут, дорогая. Все правительства мира согласны.

Я сглатываю, всматриваясь в налитые кровью папины глаза, в его напряженное лицо. Все, что связано с этой вспышкой, ужасно, но ничто не беспокоит меня так, как морщины, прорезавшие его лоб. Он самый величайший в мире кодировщик гентеха. Он написал алгоритм, с помощью которого можно излечить грипп Х, но я никогда не видела его таким.

Должно быть, мы в серьезной опасности.

– Никарагуа, – нахмурив лоб, повторяет Дакс. – Это близко. А эпидемия вспыхнула два дня назад. Если вирус и дальше будет так быстро распространяться, то доберется до нас через несколько дней.

– Часов, – поправляет папа. – Скорость его распространения увеличивается в геометрической прогрессии. Когда он доберется до городов, начнется хаос. Людей охватит паника, которая не стихнет, пока не появится вакцина. А я боюсь, что это может занять слишком много времени. – Он берет меня за руки. – В подвале есть еда, в озере – чистая вода, а на крыше стоят новые солнечные батареи. К тому же ты всегда сможешь спрятаться в старых шахтах в горах.

– Что... о чем ты говоришь? – Я перевела взгляд на криптоманжету: – С кем ты разговаривал?

Словно в ответ на мои слова до нас доносится тихий гул

и крики голубей, которые становятся громче, превращаясь в рев. Но не их я сейчас слышу. С каждой секундой нарастает звук лопастей вертолета, пока не начинают дрожать стекла. В окно я вижу два черных квадрокоптера «Комокс» с белым логотипом на брюхе.

Я узнаю его где угодно. И часто вижу в своих кошмарах.

Белые скрещенные рога.

«Картакс».

Это не военные, не какая-то корпорация, это огромная международная смесь технологий и насилия. А благодаря поддержке государства и частных инвесторов они стали крупнейшими поставщиками гентеха, контролирующими его. Папа проработал на «Картакс» двадцать лет, но больше не мог терпеть все, что там творилось, поэтому постарался вырваться из их железной хватки. Он предупреждал, что может настать этот день, что они могут появиться и утащить его, хотя папа поклялся никогда больше на них не работать. Ведь он столько ужасов видел там. Ужасов, которые не дают ему спать по ночам, о которых он никогда не рассказывал.

И теперь, как он и говорил, они пришли за ним. Папа поворачивается ко мне, и в каждой черте его лица обреченность.

– Нет, – кричу я, и голос срывается. – Они не могут просто забрать тебя.

– Могут и сделают это. Это не грипп, дорогая. Они забирают всех, кто, по их мнению, может помочь.

– Давай спрячемся, – умоляю я. – Убежим.

Он качает головой:

– Нет, Катарина, они везде меня найдут. Они считают, что мы с Даксом сможем написать алгоритм вакцины от этого вируса. И нам ничего не остается кроме как пойти с ними.

Дакс отступает.

– Им нужен и я? Я никуда не поеду.

– Не стоит им сопротивляться, – настаивает папа. – Я работал в «Картаксе» и знаю, на что они способны. Им нужен твой мозг, но не нужны твои ноги.

Дакс бледнеет. Звук вертолетных лопастей становится громче, от вибраций крупницы пыли летят с потолка. Квадрокоптеры приземляются на траву, посылая пенистые волны по воде. Окна трещат, в хижину залетает трава и пыль, а потом захлопывается дверь.

Папа сжимает мои руки:

– Отправляйся в убежище, Катарина. Ты должна остаться здесь. Я знаю, ты сможешь выжить.

– Нет, – я отдергиваю руки. – Я пойду с тобой. И помогу с вакциной. Никто не знает твою работу лучше меня.

– Знаю, но ты не можешь пойти, дорогая. Это опасно. Ты даже не представляешь, что это за люди. Они станут мучить тебя, чтобы заставить меня работать быстрее. И убьют, чтобы сломать меня, если я вздумаю им сопротивляться. Ты должна держаться от них подальше.

– Но ты не можешь оставить меня.

– Ох, дорогая. Мне бы не хотелось этого делать, но у меня нет выбора. Я знаю, что ты сможешь позаботиться о себе, но пообещай, что никогда не позволишь им тебя поймать. Что бы ни случилось, держись подальше от «Картакса». Обещай мне, что сделаешь это.

– Нет, – возражаю я, задыхаясь от слез. – Нет, я поеду с тобой.

Сквозь гул вертолетов доносятся крики. Папа поворачивается к Даксу.

– Спрячь ее, – кричит он. – Быстрее, они уже идут.

– Нет!

Я хватаю папу за халат, но Дакс тащит меня прочь. Я пинаюсь и вырываюсь, но его хватка лишь усиливается, когда он несет меня к задней части дома, прижимая к себе.

Все бесполезно. Нет смысла бороться. И мне остается лишь плакать. «Картакс» забирает папу, а я даже не попрощалась с ним.

Голоса становятся громче. На крыльце слышен топот тяжелых ботинок. Дакс отпускает меня и открывает дверь в убежище.

– Береги себя, принцесса, – шепчет он.

Затем толкает меня в тесный, обитый шумоизоляционными пластинами чулан и быстро целует.

Последнее, что я вижу – его побледневшее от страха лицо, когда солдаты врываются в дом.

Он захлопывает дверь, и звуки стихают.

Я знаю, что снаружи солдаты «Картакса», что они кричат, крушат все и шарят по хижине, но вокруг меня тишина. Я лишь слышу, как колотится сердце о ребра, и кажется, оно стучит так громко, что ни стены, ни шумоизоляция не скроют его волнения. И солдаты найдут меня. Я прижимаю руки ко рту, чтобы заглушить дыхание, и жду, когда рука в черной перчатке откроет дверь.

Но ничего не происходит.

Десять минут проходят в испуганном молчании, пока мое предательское сердце не начинает замедляться само по себе. Тело может выработать лишь определенную дозу адреналина, пока находится в сенсорной депривации¹⁰. Проходит час, затем два. Наконец, мое терпение заканчивается, и я щелкаю по пневматическому затвору на стене убежища, чтобы разблокировать дверь.

Уже ночь, и хижина погрузилась в темноту. Окна в гостиной разбиты, но проемы уже затянулись тонкой кристаллической пленкой, и лунный свет, проникая сквозь них, превращается в радугу. В комнате неразбериха. Осколки разбитого стекла валяются на полу вперемешку с золотыми перьями, здесь же отпечатки грязных ботинок и блестящие капли крови.

Я стою на дрожащих ногах, охваченная такой яростью, которую никогда не испытывала.

¹⁰ Сенсорная депривация – частичное или полное отключение одного или нескольких органов чувств в результате внешнего воздействия.

Они подстрелили его. Я уверена в этом. Солдаты «Картакса» ворвались сюда и подстрелили папу, чтобы увести его.

Генкит подтверждает, что это папина кровь, но я не нахожу гильз, даже перерыв всю комнату. Моя древняя панель не способна показать записи с камер безопасности в VR, и видео с трудом преобразуется в 2D, но мне все же удастся запустить просмотр на зернистом черно-белом экране маленького генкита. Я вижу Дакса и папу, стоящих на коленях с поднятыми руками, когда в комнату врываются солдаты.

Раздаются громкие приказы. Двенадцать винтовок направлены на двух безоружных мужчин – двух ученых, которые нужны «Картаксу», чтобы разработать вакцину. Папа поворачивает голову и внезапно встает, чтобы дотянуться до чего-то на стене. Когда я вижу это, то тут же начинаю плакать. Я знаю, зачем он это сделал. Он хотел забрать мамину фотографию, которую сделали в то время, когда я была всего лишь маленьким бугорком под ее платьем. Но когда папа пытается сделать шаг, солдат выпускает две пули, вспышки от которых засвечивают экран.

Одна попадает в бедро, вторая – в бицепс, они не задевают артерии, а только мышцы, которые исцеляющий модуль вылечит за неделю.

На зернистом экране я вижу, как папа падает на пол, а Дакс кричит. Звук нет, но я слышу его крик. А затем солдаты вытаскивают Дакса и папу из хижины, и через мгновение в окна залетает трава и пыль, когда вертолеты устремляются

в небо.

Ночь сменяется утром. Я сижу в пустой хижине и читаю с экрана о новых вспышках по всему миру. Затем встаю на колени рядом с маминой фотографией и лужей папиной крови и даю обещание, которое изо всех сил постараюсь сдержать.

Что бы ни случилось, я выполню просьбу отца. Я останусь в безопасности, останусь свободной.

И никогда не позволю им забрать меня.

Глава 3

Настоящее время.

Два года после вспышки

Солнце превращается в тонкую полоску на горизонте, когда я заканчиваю с телом зараженного человека. Подхожу к берегу озера, мерцающему в лунном свете, закатываю рукава и смываю грязь и кровь с рук. Вода ледяная. По поверхности озера дрейфуют опавшие голубиные перья, а стая все еще кружит у меня над головой. Их силуэты видны на фоне звезд.

Я проведу секвенирование¹¹ ДНК этой стаи завтра, хотя уже предполагаю, что обнаружу там строки того же стихотворения, которые искажаются с каждой последующей мутацией птицы. С очередным новым поколением в этом кусочке появляется все больше опечаток. И уже целые слова превратились в бессмыслицу. Кажется, именно этого поэт и добивался с самого начала.

¹¹ Секвенирование – определение последовательности аминокислот в молекуле ДНК и РНК.

Руки дрожат от холода и от триггерной¹² реакции на запах зараженного человека. Ее официальное название – острый кратковременный психотический каннибализм, облегченный нейротрансмиттерами адреналина-гамма-два. Но большинство людей называют ее гневом. Зверем, который вгрызается в ваш разум и забирает всю человечность. Трудно вспомнить подробности происходящего после того, как вы уступили ему. Все расплывается в тумане, зубы, плоть и инстинкты. Некоторые люди даже не осознают, что поддались ему, пока не приходят в себя и не видят кровь на своих руках.

«Ты в порядке, рысь?»

Сообщение Агнес вспыхивает белыми буквами перед глазами. Округлый шрифт Courier единственный, встроенный в мою жалкую видеокарту. Когда я наклоняю голову, слова следуют за моим взглядом и раскачиваются на поверхности озера, но пропадают, как только моргаю.

«Да, – отвечаю я, сосредоточившись на слове, пока панель не распознает его. – Я скоро буду у тебя... примерно через час».

«Хочешь, чтобы я встретила тебя?»

¹² Триггер – в медицине так называют провоцирующий фактор, запускающий неблагоприятные изменения в организме.

«Нет. – Я брызгаю в лицо водой. – Заскочу на рынок по дороге. Набрала кусочки, чтобы обменять на патроны».

Кусочки тела, конечно. В городе есть рынок иммунитета, куда приходят местные жители, чтобы обменять дозы на еду и пули. Я оттащила тело как можно дальше от хижины, отрезала от него пятьдесят доз и засунула их в последний пакет заморозки, а затем постучала им по дереву, пока все внутри не застыло. Этого достаточно, чтобы сохранить иммунитет на долгие годы. Половину я отнесу на рынок, а половину оставлю про запас и спрячу в морозильную камеру, которая работает от солнечных батарей. Я больше не стану пренебрегать ими, не после случившегося этим вечером. Возможно, сегодня вирус подобрался ко мне так близко, как никогда со времен вспышки.

Стадо оленей выходит из-за деревьев на другой стороне озера, чтобы спуститься к вечернему водопою. Они осторожно подходят к воде, смотрят на меня большими задумчивыми глазами, принимают, смущенные моим запахом. Чересчур притягательный аромат. Сера и дым – почти так же пахнет зараженный человек, но отсутствует важная нотка. Мои кожа, волосы, одежда и дыхание пропахли чумой, но я не заражена.

У меня иммунитет.

Вирус *fictionimbus*¹³, так, же известный как гидра, прохо-

¹³ От *лат.* *fictum nimbus* – туманообразование. Возможно, из-за последствий

дит два этапа, прежде чем отправить своих жертв на небеса. Сначала он вызывает в клетках триггерную реакцию, отчего людей начинает лихорадить, а на коже появляется мозаика из иссиня-черных кровоподтеков. Через неделю вторая стадия: вирус обволакивает каждую клетку слоем белков, словно кожух бомбу. Именно эта оболочка испускает запах, вызывающий гнев у окружающих, и только она способна остановить проникновение вируса в ваши клетки.

Вот так и появляется иммунитет. Если съесть мясо зараженного на второй стадии, то вирус не понимает, что он сменил хозяина. И в течение часа он обволакивает клетки, образуя единственный барьер, который способен противостоять гидре. Но стоит быть осторожным. Если съесть мясо зараженного на первой стадии, то вирус атакует тело. А мясо зараженного, который вот-вот взорвется, проделает дыру в желудке прежде, чем переварится. Человек, мясо которого я съела сегодня, тоже находился на последней стадии, но у него еще не проявились предупредительные знаки – капли крови из лопнувших капилляров, намекающие на неизбежную детонацию.

Что не может не радовать, потому что вряд ли бы у меня получилось остановиться после того, как я уже почуяла запах инфекции.

Олени опускают головы, чтобы попить, но их уши дергаются, когда я омываю лицо и руки ледяной озерной водой.

Каждый раз, закрывая глаза, вижу лицо мертвеца – постоянное напоминание о том, что мне пришлось сделать, чтобы остаться в живых. Честно говоря, я смирилась с убийствами и даже каннибализмом, хотя до эпидемии была готова поклясться, что лучше умру, чем сделаю это.

Забавно, что люди говорят: «я лучше умру». Ведь на самом деле никто на это не пойдет. Просто никто не знает, на что окажется способен, оказавшись перед лицом смерти. К тому же легко решиться на убийство того, кто все равно умрет.

Но все не так просто.

Нет, меня терзает не факт убийства или иммунитет, зудящий в крови, а то, что каждый раз, когда я делаю это, какой-то части меня это нравится.

Всякий раз, когда человека охватывает гнев, он воздействует на инстинкты, на силу, на желание выжить и на такие основные потребности, как голод. И когда поддаешься ему, то уже ничего не решаешь. Адреналин. Возбуждение. Весь арсенал нейрохимикатов тела стремится к мозгу в виде ошеломляющей награды. И тело пытается убедить жертву, что убийство – это лучшее, что она когда-либо делала.

Это как наркотик, причем очень опасный. Гнева так много, что иногда люди теряются в нем и уже никогда не становятся прежними. Мы зовем их одичалыми. Они сбиваются в стаи и охотятся словно волки, вечно терзаемые голодом и жаждой крови.

Я вытираю руки о джинсы, собираю вещи и иду по гравийной тропинке до хижины. Ночь быстро вступает в свои права, и я едва могу различать дорогу. Зрительный модуль пытается хоть как-то помочь мне, усиливая лунный свет, отчего мир превращается в пиксельный бардак. Перед вспышкой я упрашивала папу написать мне алгоритмы, изменяющие внешность, которые бы сглаживали кожу или придавали ей сияния, но он всегда говорил, что это пустая трата времени. А теперь жалею, что не попросила у него острого зрения или эхолокации, или даже громоздкого модуля ночного видения, от которого остаются шрамы вокруг глаз.

Я оставляю пакет на крыльце хижины и провожу предплечьем перед датчиком у двери, ожидая, пока мигнет светодиод. Его не заметить, если не присмотреться. Как и электромагниты, закрепленные внутри рамы, пока не станет слишком поздно. Когда панели начинают пускать ростки, в теле образуется сеть кабелей, которые, словно метро, доставляют наниты в нужное место, а в коленях и локтях образуются металлические узлы. Именно поэтому я спрятала два электромагнита в дверной коробке, чтобы они вырвали узлы из коленей того, кто решит проникнуть в хижину.

Конечно, такую систему безопасности не назовешь идеальной, но уж лучше это, чем ничего. Особенно если учесть, что у меня осталась лишь одна пуля.

Дверь щелкает, и в хижине загорается свет, окрашивая гостиную в желтые тона. Скомканный спальник лежит

на матрасе возле камина, в котором медленно тлеют вчерашние угли. Стены голые, если не считать фотографии, сделанной Даксом незадолго до вспышки. На ней отец обнимает меня за плечи, а моя рука застыла на полпути к лицу, чтобы убрать разметавшиеся волосы.

Мы так похожи. Мне достались его серые глаза и длинный, тонкий нос. А наши подбородки аккуратные и округлые, как нижняя часть сердца. На фотографии папа улыбается, это бывало так редко – мы только закончили писать алгоритм, над которым работали несколько месяцев. Он никогда не использовал такие слова, как «любовь», но в тот день папа сказал, как гордится моей работой, что для меня значило примерно то же самое.

Я поднимаю грязную одежду с пола гостиной и запихиваю ее в рюкзак, чтобы отнести Агнес. Под джинсами обнаруживаю многострадальный генкит – старую модель портативного компьютера с кабелем для подключения к панелям. Генкиты используются для доступа, кодирования, редактирования и настройки программного обеспечения гентеха или загрузки алгоритмов и их обслуживания. Технически, это не компьютеры, но если я хорошенько попрошу свой, то он станет вести себя как один из них, поэтому этот малыш мой верный напарник последние два года.

Я включаю его и раздумываю, взять ли с собой, пока девяносто пять процентов треснувшего экрана приветственно мигает, возвращаясь к жизни. В меню появляется запрос на

чат, а на экране всплывает женское лицо. Доктор Аня Новак. Алые волосы, ногти цвета розового дерева и фирменная улыбка, которую она демонстрирует всему миру три раза в день. Она – лидер «Небес», плохо организованной группы выживших, решивших после вспышки противостоять «Картаксу», когда его войска попытались захватить все, что осталось от мира.

Конечно же, они сделали это для того, чтобы «помочь» нам. В «Картаксе» всегда стремятся «помочь». Они помогли папе сесть в вертолет, дважды выстрелив в него. Они помогли выжившим после вспышки, распустив все правительства в мире, захватив средства массовой информации и убедив людей спрятаться в их огромных подземных бункерах.

Тогда это казалось хорошей идеей. Если бы я не знала о них, то, как и большинство местных жителей, встала бы в очередь на получение места в ближайшем бункере, «Хоумстэйке». Еда, кров, воздушные шлюзы. Защита от вируса. У большинства людей не возникло ни одного возражения.

Но не у меня. Папины слова все еще звучали в ушах, как и звучат до сих пор: «Никогда не позволяй им тебя поймать». И конечно, даже несмотря на то, что там не ловили никакие сигналы, а бункеры хорошо охранялись, до нас доходили слухи об ужасах, творившихся там. Люди жили в темных, грязных камерах. «Картакс» перехватил контроль управления над их панелями, стирая все нестандартные алгоритмы и коды. Охрана безумствовала. Семьи разделяли.

И варианты становились очевидны: либо вы рискуете жизнью на поверхности, либо лишаетесь всех прав и живете в камере за воздушными шлюзами.

Думаю, и так понятно, что не всем пришелся по душе этот выбор. Тогда-то и возникли «Небеса».

Новак машет мне рукой с треснувшего экрана генкита. Большинство людей звонят по VR, так что мне пришлось воскресить стареющий видеокод, чтобы разговаривать с ней. На мгновение ее лицо застывает и окрашивается в зеленые и фиолетовые тона из-за искажений слабых спутниковых сигналов. У генкита сигнал в хижине лучше, чем у моей панели, но отставаний и зависаний все равно много.

Она улыбается:

– Добрый день, Катарина.

Я вздрагиваю. Сеть «Небес» зашифрована, но я все равно не люблю использовать свое настоящее имя. В «Картаксе» считают, что я умерла во время вспышки, и мне бы хотелось, чтобы там и дальше так думали.

– Прости, Рысь, – говорит она. – Я получила код от астмы, который вы прислали. Благодаря вам малыш в Монтане дышит самостоятельно. У меня есть сюжет, готовый к трансляции. Мне бы хотелось, чтобы и вы появились в эфире.

– Нет, – взмахнув рукой, отказываюсь я. – Ни за что.

Новак молчит, пока мои слова летят к ней от спутника к спутнику, на что требуется несколько мгновений. А затем она вздыхает. Этот разговор мы ведем каждый раз, когда я

краду с серверов «Картакса» код и отправляю его в «Небеса». Это еще один способ, которым «Картакс» пытается нам помочь – он скрывает медицинские алгоритмы и предоставляет их лишь людям в бункерах. Если вы заболели или вам стало плохо, вы не можете просто скачать лекарство, как делали это раньше. Придется отправиться в бункер или страдать в одиночку.

Или вы можете обратиться к Новак и ее людям. Они поддерживают работоспособность последней независимой сети, которая использует российские спутники. У них есть целые библиотеки алгоритмов с открытым исходным кодом, так же легкодоступные, как небеса, – но они невероятно глючные и зачастую написаны любителями. Я тоже изредка пишу новые алгоритмы и совершенствую старые, но самый большой мой вклад приносит взлом серверов «Картакса». Обычная работа по принципу «ломай и хватай». Внедряясь в их базы, я быстро копирую любые обрывки кодов, которые только смогу найти. Иногда мне достаются антибиотики, иногда – пакеты совершенствования связи, а иногда – фрагменты кодов, написанные Даксом или папой.

Каждый такой файл для меня как лучик света. Словно и не было этих двух лет, а они снова в лаборатории. Нет вируса, нет солдат «Картакса». В течение этого невесомого момента есть только глупые имена, которые придумывает Дакс для переменных, и папина любовь к методу Фибоначчи¹⁴. И

¹⁴ Метод Фибоначчи – метод нахождения минимума и максимума функции на

понимание, что я не зря тратила эти одинокие годы на обучение, кодирование и взломы. А чтобы найти обрывки их работы и узнать, что они еще живы.

– Я собираюсь вывести вас в эфир через несколько дней, – выгибая алую бровь, говорит Новак. – Но сейчас звоню не поэтому. Что-то серьезное творится в «Картаксе». Мы услышали ваше имя по «Сарафанному радио».

– Мое имя?

– Да, ваше настоящее имя. Мы не смогли разобрать детали, но ваш отец тоже упоминался. Не знаю, что там происходит, но мне это не нравится. Возможно, вам стоит залечь на дно на некоторое время.

В груди колет.

– Когда это произошло?

– Час назад. Я позвонила вам сразу, как получила отчет.

Я бросаю взгляд на окно. Примерно в то же время Агнес предупредила меня о джипе поблизости. Не верю я в совпадения.

– Все в порядке? – спрашивает Новак. – Катарина, вы меня слышите?

Ее голос становится громче, но я молчу, чувствуя, как покалывает затылок. Пальцами нащупываю кнопку отключения звука на генките. Через окно мне видно, как озеро освещает последний солнечный луч и как разбегается в стороны стадо оленей.

Они уносятся от воды с широко раскрытыми и испуганными глазами, а голуби с окрашенными в малиновый цвет перьями над ними кричат и кружатся. Что-то спугнуло их. Что-то находящееся поблизости. Я ничего не вижу, но чувствую, как инстинктивно сжимается живот.

Здесь кто-то есть.

– Мне нужно идти, – шепчу я и закрываю генкит, на котором застыло обеспокоенное лицо Новак.

Если я сбегу сейчас, то смогу оказаться в лесу до того, как они появятся у хижины. Встаю, хватаю рюкзак, пересекаю крыльцо и спускаюсь по лестнице.

Велосипед лежит на траве. Я поднимаю его и, стараясь убраться подальше от хижины, тащу под своды деревьев. Все еще никакой видимой опасности. Но я несусь по грунтовой тропинке через лес, уворачиваясь от веток.

Мой зрительный модуль пытается приспособиться к тусклому освещению, фильтруя сигналы сетчатки и вводя их в зрительный нерв. Если бы у меня стояли модули помощнее, то я бы могла видеть в кромешной темноте так же хорошо, как днем. Но моя древняя панель способна лишь увеличить яркость картинки, отчего картинка начинает пикселировать. Хотя этого достаточно, чтобы я могла убежать, сжимая в руках белый руль велосипеда и пробираясь сквозь деревья на другую сторону озера. Добравшись до леса на другом берегу, я останавливаюсь и оглядываюсь. Сначала вижу лишь темноту. Но потом прорисовываются очертания хижины, и я бро-

саюсь за ближайшее дерево.

Они уже здесь. Черный джип, как и говорила Агнес, едет по дороге, а под его колесами хрустят камни. Мой модуль трещит, начинает жаловаться на нехватку питания. Обсидианово-черные окна, явно бронированный корпус. Машина выглядит как дитя любви «Феррари» и танка.

Когда джип подъезжает к хижине, двигатель глохнет, распахивается дверь, и на небольшой участок крыльца падает свет. На улицу вылезает один человек. Его лицо размыто пикселями, пока модуль по моей мысленной команде не фокусируется на нем.

Он молод. Может, лет восемнадцать. Высокий, мускулистый, в черной майке с рогами «Картакса», белеющими на груди. Волосы темные и коротко обстриженные, на щеках короткая щетина, а нос выглядит так, будто его ломали не меньше десяти раз. Черные лей-линии тянутся от его панели и обрамляют лицо, соединяясь с внешними уголками глаз и под челюстью. Они матовые, плоские и выглядят как татуировки. Их используют для тех кодов, которые слишком капризные, чтобы запускать их по телу.

Парень подходит к хижине, сжимая в руках автомат, и медленно поворачивает голову, чтобы осмотреться. Мое любопытство усиливается. Один солдат. Они прислали всего одного солдата. Хотя он необычный, и таких я никогда раньше не видела. Охранники в «Хоумстэйке» выглядят одинаково – бронированные куртки, военная форма, маски с

HEPA-фильтрами¹⁵, оружие, прикрепленное к рукам. Они всегда суетятся и нервничают из-за стимуляторов в крови, а еще вертят головами, чтобы искусственный интеллект, вшитый в их зрительные модули, сканировал окружающее пространство.

Но этот солдат другой.

На нем нет ни одного бронежилета, а стоит он устрашающе неподвижно, с застывшим лицом осматривая деревья. Его никто не прикрывает, рядом не летают дроны и не разносятся инструкции. Он просто ребенок чуть старше меня, с пистолетом и модной тачкой.

Какого черта творится в «Картаксе»?

Я наклоняюсь вперед и прищуриваюсь, но тут по лесу проносится треск, напоминающий выстрел. Солдат кружится по сторонам в поисках источника звука. Я инстинктивно вздрагиваю и отступаю за дерево. Перед глазами все расплывается, и я, пытаюсь прийти в себя, хватаюсь за сухую ветку.

Она ломается под моими пальцами.

Такой тихий звук, но пронзает тишину и отражается от гор так гулко, что мог бы быть и фейерверком. Я перевожу взгляд на солдата и вижу, что он смотрит прямо на меня, сжимая в руках оружие.

Я хватаю велосипед и бегу.

Несусь между деревьями, вдоль ручья, который впадает

¹⁵ HEPA (*англ.* High Efficiency Particulate Air) – высокоэффективные воздушные фильтры, способные удерживать 99,95% частиц в воздухе.

в озеро, к выжженной полосе, исчезающей между гор. Меня хлещут листья и ветви. За спиной раздаются выстрелы, эхом отражающиеся от склонов гор, пока ночной воздух не начинает петь о насилии. Добравшись до выжженной полосы, я перекидываю ногу через велосипед и качусь по темному, усыпанному камнями склону, не разбирая дороги.

Мой зрительный модуль кричит о перегрузке, сжигая калории, которые я не могу позволить себе потерять. Свет вдалеке размывается в огненные линии, освещающие путь. Звуковые фильтры усиливают шаги, раздающиеся где-то позади, отчего они кажутся громовыми раскатами, прерываемые выстрелами. Должно быть, солдат преследует меня, стреляя в темноте. И эти звуки, приумноженные в ушах, заглушают дыхание...

Только это не выстрелы.

Осознание этого пронзает меня. Я останавливаюсь, слезаю с велосипеда и сдергиваю свитер через голову. Не выстрелы напугали солдата, а взрывы кусков тела зараженного человека. Человека, которого я убила, чтобы получить иммунитет. Человека, мясо которого съела. Его тело взрывается, хотя я точно проверила мясо на наличие предупредительных маркеров. Я предположила, что у него есть примерно день, но, видимо, чего-то не заметила. И теперь он взрывается, а каждая его клетка превращается в обжигающий газ, как и его кровь на моей одежде.

От моих джинсов поднимается тоненькая струйка дыма,

их начинает разъедать. Я падаю на колени, срывая ткань, и кричу, когда она соприкасается с кожей.

Тут же запускается исцеляющий модуль, высасывая энергию из панели, а зрительный модуль тут же вырубается и погружает меня в темноту. Где-то поблизости между деревьями раздаются шаги, больше я ничего не могу разобрать, как и не могу сбежать, так как теперь плохо вижу.

Я в ловушке.

Он идет. Он будет здесь с минуты на минуту, и мне некуда бежать, негде спрятаться.

– Агнес, – зову я, пытаюсь связаться с ней по коммуникатору, но слышу только помехи. – Он приближается. Яя, ты слышишь?

Если Агнес и слышит, то не отвечает. Шаги приближаются, шуршат камни на выжженной полосе. Я ползу вперед в изодранной одежде и слепо хватаюсь за велосипед, хотя понимаю, что не смогу никуда уехать. Очередной треск отражается эхом от холмов, и у меня перехватывает дыхание, потому что что-то пронзает меня изнутри.

Схватившись за живот, я кричу и падаю в грязь. Горло окутывает огненной лентой.

Доза, которую я съела, не успела перевариться. И то, что осталось от нее, просто взрывается во мне.

Глава 4

Я заваливаюсь на бок, сворачиваюсь в клубок и кусаю кулак, чтобы не закричать. Живот горит, боль пронзает спину, дугой прошибает ребра, а потом охватывает меня целиком. Шаги становятся громче, втаптывают выжженную полосу, пока не оказываются рядом со мной, но у меня нет сил, чтобы встать или убежать. Все, что я могу – зажмуриться и надеяться, что солдат просто убьет меня, что ему хватит порядочности сделать это быстро.

– Рысь, это ты?

Сильные руки перекатывают меня на спину. Я моргаю, ожидая увидеть солдата, но передо мной женское лицо, обрамленное ореолом седых волос. Широко раскрыв глаза, на меня смотрит Агнес.

– Ох, Рысь. Ох, моя бедная девочка.

– Яя, – с облегчением выдавливаю я. – Ты нашла меня. Как ты добралась сюда так быстро?

Она вытирает грязь с моего лица.

– Мне позвонила Новак и сказала, что беспокоится за тебя.

– С-с-солдат. «Картакс» здесь, – кашляя, говорю я.

Такое чувство, словно у меня в животе торчит нож. И каждый вдох, каждое движение загоняет его еще глубже.

– Я знаю, – понизив голос, отвечает она и оглядывается

через плечо. – Мы выберемся отсюда, но ты должна встать. Я не смогу нести тебя.

Ухватившись за ее руки, я собираюсь с силами и заставляю себя подняться на ноги. Каким-то образом мы спускаемся с холма туда, где стоит ее машина. Затем дверь, свет, и я оказываюсь на заднем сиденье, свернувшись калачиком на боку. Дыхание Агнес становится коротким и частым, когда она садится на место водителя, обогнув машину. Ее кожа покраснела и покрылась испариной, а пряди седых волос прилипли к щекам.

Она поворачивает рычаг управления, двигатель издает пронзительный визг, и мы устремляемся по выжженной полосе.

– Что с тобой случилось? – спрашивает она.

Я снова кашляю, и от этого меня снова пронзает боль.

– Доза оказалась слишком поздней. Мне казалось, я все проверила, но было уже темно...

– Оу! – вскрикивает она, наклоняясь ко мне и позволяя автомобилю самому ехать по выжженной полосе, чтобы осмотреть меня.

Она протягивает руку и стаскивает с меня то, что осталось от свитера. Ткань изодрана после взрывов пятен крови. Ее глаза медленно поднимаются к моему лицу, а голос стихает до шепота:

– У тебя иммунитет?

Я киваю. Она вздыхает с облегчением.

– Я приняла дозу час назад.

Этого недостаточно, чтобы полностью переварить мясо, но хватит для того, чтобы вирус окутал мои клетки, повышая иммунитет. Я не заражена, но это не означает, что мне удастся выбраться из этой передряги живой.

– Тебе должно быть больно, Рысь, – говорит она. – Слышала, это часто случается в последнее время. Клянусь, они стали взрываться быстрее, чем раньше. Чертова чума становится умнее. Но не волнуйся, тебя быстро вылечат. Док в мгновение ока залатает тебя.

– Нет, не залатает. – Я зажмуриваюсь и зажимаю живот. – Гипергенез, помнишь?

Гентех существует уже тридцать лет, и медики позабыли, как раньше справлялись без него. Местный врач может срastить сломанную кость или вытащить пулю, но он лечит большинство своих пациентов, подстраивая алгоритмы под их ДНК. А стандартный исцеляющий модуль делает все остальное. Агнес может излечиться практически от любой травмы так, что даже шрама не останется, но мой модуль не справляется с серьезными поражениями. Он не сможет быстро остановить сильное внутреннее кровотечение или гиповолемический шок¹⁶. Он исцеляет меня, но так медленно, что за это время я могу умереть.

– И что мне теперь делать?

¹⁶ Гиповолемический шок – процесс, при котором у больного резко снижается объем крови от кровопотери, диареи или рвоты.

Агнес хмурится. Автопилот везет нас по грунтовой дороге, которая проходит по краю леса.

– Нам нужно найти безопасное место. – Я кашляю, прикрывшись рукой. Боль, словно животное, царапает меня изнутри. – Нужно понизить температуру тела, чтобы у моего исцеляющего модуля появилось больше времени на восстановление тканей. И мне нужны калории. Сейчас я совершенно на нуле.

Она поворачивается к рулю.

– Хорошо, я все устрою. Позвоню Новак. Она придумает, что сделать. Все будет хорошо, Рысь.

Я снова кашляю, схватившись за живот. Мне бы ее оптимизм. Единственный раз, когда мне было так больно, рядом находился отец, и он спас меня. Он взломал мою панель и запустил живой поток дружественных гипергенезу нанистов, написав алгоритм, из-за которого «Картакс» так отчаянно хотел его заполучить.

Но сейчас я сама по себе, а в моей руке стоит модуль, которому требуется неделя, чтобы срастить сломанный палец. Шансы были бы выше, если бы рядом оказался генкит, но он остался в хижине вместе с моими файлами и кодами. С фотографией, на которой я вместе с папой. А раз «Картакс» знает, что я здесь, то мне уже никогда не вернуться домой.

Ветки скребут по стеклам, когда мы сворачиваем на заросшую дорогу, которая ведет к шоссе. По нему мы сможем добраться до того, что осталось от города. Агнес регулирует

зеркало заднего вида, пока ее взгляд не встречается с моим.

– Почему ты допустила снижение иммунитета?

Я фыркнула:

– Потому что я идиотка.

Она хватается за руль, чтобы вписаться в поворот.

– Ты не можешь быть идиоткой. Насколько я помню, ты гений.

– Ну, прямо сейчас я чувствую себя очень глупой.

Она сжимает губы:

– Ты выживешь, Рысь. Помнишь, в каком состоянии я тебя нашла?

– Да, – бормочу я. – Но не думаю, что на этот раз меня спасет суп, Яя.

Мы с Агнес познакомились, когда она заявила в хижину, через несколько месяцев после вспышки. Температура упала, и началась суровая зима, к которой я не была готова, потому что не ожидала ее так скоро. Запасы еды таяли, а солнечные батареи на крыше не работали из-за укрывшего их снега, поэтому я осталась без единственного источника электричества. Целыми днями я куталась в одеяла, дрожа от холода и голода, не зная, живы ли папа с Даксом. Когда Агнес приехала в поисках припасов, я валялась у камина без сознания, сотрясаясь от лихорадки.

И пришла в себя лишь два дня спустя, в чистой одежде и с желудком, полным супом, которым она кормила меня, пока я бредила. Она вылечила меня и сказала, что посмотрела

на моем генките, как хижину штурмовали люди «Картакса». Агнес не очень любила эту организацию и только что присоединилась к группе, собирающейся противостоять их планам по захвату мира.

А затем спросила, не хотелось бы и мне поработать на «Небеса».

Тот день стал для меня переломным. Словно я умерла у камина, а придя в себя через несколько дней, стала другим человеком. Это оказался один из тех моментов, что делят жизнь на «до» и «после», позволяя отбросить все слабости и стать сильнее. И в тот день я дала себе обещание, что доживу до встречи с папой.

Но сегодня я засомневалась, что сдержу его.

Мы выезжаем на шоссе и ускоряемся. От этого меня вжимает в спинку сиденья, и я сотрясаюсь от кашля. Что-то капает с моих губ. И когда я вытираю их, рука покрывается чем-то темным. Агнес поворачивается ко мне, и ее лицо бледнеет.

– У тебя идет кровь. Рысь, все хуже, чем я думала. Мы должны...

Она замолкает, когда салон через заднее стекло освещают фары. Стиснув зубы от боли, я подтягиваюсь и смотрю назад. Неповоротливый черный джип несется по лесу. Его заносит на дороге, и из-под колес поднимается пыль и летят камни.

– Он выследил меня, – шепчу я. – Тебе не следовало приходить, Яя. Теперь ты тоже в опасности.

– Чушь, – огрызается Агнес. – Что может сделать один солдат?

Я киваю и сглатываю. Во рту привкус кислоты и ржавчины.

– Мы отпугнем его. Он остановится и вызовет подкрепление. Они всегда так делают. Винтовка валяется на полу, но она не заряжена. Патроны где-то в коробке.

Я отрываю взгляд от джипа и шарю по полу, сопротивляясь накатившей от этих движений волне боли. Пальцы сжимают деревянный приклад винтовки Агнес, и я подтягиваю ее к себе на колени. А затем, стиснув зубы, ищу коробку с патронами.

Раздается выстрел. Агнес вздрагивает.

– Они никогда не стреляли в меня, – говорит она, ее лицо освещается фарами джипа.

Раздается еще один выстрел, который сносит боковое зеркало. Автопилот тут же совершает аварийную остановку.

– Нет, идиот, вперед, – рычит она, пытаясь перехватить управление автомобилем.

Мы снова устремляемся вперед, но джип уже прямо за нами. Я бросаю отчаянный взгляд через заднее стекло. Времени искать патроны не остается. Я тянусь к пуле, висящей на моей шее.

А затем, сжав в кулак, сдергиваю ее. Привычным движением винтовка взлетает к моему плечу. Прищурившись от яркого света фар, я прицеливаюсь сквозь заднее стекло, но

джип внезапно останавливается поперек дороги.

Водительское стекло опускается, и я вижу лицо солдата. На его плече лежит какое-то оружие, направленное прямо на меня. Мгновение растягивается словно в замедленной съемке. А затем заднее стекло разбивается и что-то влетает в машину Агнес.

Что-то маленькое, цилиндрической формы, зеленого цвета, который используют военные. Предмет перелетает через спинку и приземляется на пассажирское сиденье. Несколько пронзительных сигналов разрезают воздух, а затем следует вспышка света и ударная волна, от которой в машине вылетают стекла.

Я падаю на сиденье. Агнес кричит и дергает рычагом управления, отчего мы начинаем дико вращаться среди деревьев. Я инстинктивно закрываю руками лицо. И следующее, что осознаю – я как-то оказалась на земле.

Грязь. Трава. Рот наполняется кровью. Живот скручивает от невыносимой боли. А густой едкий дым, вырывающийся из обломков машины, не дает дышать.

– Агнес! – кричу я и щурюсь, пытаюсь что-то разглядеть в дыму. Зрительные модули не справляются, мир расплывается, и четким остается только крошечное пятно. – Где ты?

– Я здесь, Рысь, – хрипит она, с трудом выбираясь из машины.

Ее волосы торчат во все стороны, а штаны залиты кровью. Сжимая в одной руке винтовку, она, пошатываясь, идет ко

мне.

– Лежи. Я собираюсь увести его отсюда.

– Нет, – с трудом выдавливаю я и тут же начинаю кашлять.

– Он пришел за мной! Уходи отсюда.

Не обращая внимания на кровь, которая течет из раны на лбу, она изгибает рот в кривой улыбке.

– Думаешь, после всего, что мы пережили, я оставлю тебя?

– Пожалуйста, Яя. Ты должна уйти.

– Нет смысла жить одной, – говорит она, вглядываясь в дым. – Единственное, что придает жизни смысл – это люди, которые заботятся друг о друге.

– Нет, – умоляю я.

Мне не хочется ее слушать, ведь подобное люди говорят друг другу перед смертью.

Джип останавливается посреди дороги, и водительская дверь распахивается. Солдат вылезает так быстро, что его движения почти неразличимы.

Агнес поднимает винтовку.

– Я люблю тебя, Катарина.

– Нет! – кричу я, и два выстрела эхом отражаются от холмов.

Время замедляется. Картинка перед глазами дрожит. Солдат спотыкается, а Агнес падает в траву.

Не может быть.

Мне показалось. Это обман зрения. Она не могла упасть.

Агнес – самая живучая женщина.

– Агнес! – кричу я, наплевав на то, что меня может услышать солдат.

Я пытаюсь приподняться и проползти по траве, но чувствую, как кто-то хватается меня за плечо и переворачивает на спину. Я моргаю и понимаю, что смотрю в два бассейна совершенной темноты. И только спустя мгновение абсолютно-го ужаса осознаю, что это глаза солдата.

– Катарина Агатта? – встряхивая меня, кричит он.

– Помогите! – вскрикиваю я, пытаюсь вырваться из захвата.

Но его руки словно стальные. Я вцепляюсь ему в глаза, но он хватается меня за шею. Я пытаюсь вновь закричать, но вырывается лишь хныканье.

А затем дым и разбитая машина сливаются в одно пятно, которое темнеет.

Глава 5

Хлоп... Хлоп.

Я просыпаюсь с головной болью от звука, который ощущается так, словно кто-то вбивает гвозди мне в череп. Виски ломит, мысли путаются, а значит, у меня снова мигрень. Она мучает меня каждый месяц, стучит в основании черепа и вычерчивает перед глазами раскаленные добела серебряные пятна. Еще в прошлом году у меня закончились все таблетки, поэтому теперь на несколько дней я становлюсь калеккой. Еще одна вещь, недоступная моей панели – синтез обезболивающего.

Хлоп.

Поморщившись от боли, я медленно выдыхаю и открываю глаза в поисках источника звука. Деревянные балки на потолке медленно обретают очертания. Настоящая древесина, а не выращенная в искусственной среде, на которой сучки и прочие несовершенства повторяются через равные промежутки. Эта древесина старая, с зазубринами, покрытая толстым слоем паутины, тянущейся до заплесневевших досок, которыми забито окно. И вдруг я понимаю, что даже не знаю, как сюда попала.

Скорее даже так: я не знаю, где нахожусь.

Косые неяркие солнечные лучи словно клинки проникают сквозь доски, а значит, сейчас либо поздний вечер, либо

раннее утро. Я лежу в маленькой комнате на железной кровати под толстым шерстяным одеялом напротив ряда пыльных книжных полок. На дальней стене висит портрет в рамке – рисунок маленькой девочки с длинными темными волосами. Ее сжатый рот нарисован несколькими уверенными штрихами, а взгляд устремлен вверх, словно ей задали сложный вопрос и она обдумывает ответ.

Ее лицо мучительно знакомо. А имя вертится на языке, вызывая боль, которая никак не связана с мигренью. Я вонзаю ногти в ладони. Старый трюк, которому меня научил папа. Резкий всплеск боли помогает взять ее под контроль. Туман в голове рассеивается, и я сажусь на кровати.

Маленькая девочка на портрете – это я. Папа нарисовал его в моем далеком детстве. А сейчас я сижу в его комнате на его кровати и смотрю на его книги. Я поворачиваюсь, чтобы осмотреться, охваченная внезапной, безумной надеждой, что он здесь. Но от этого движения меня вновь пронзает боль, и воспоминания заполняют мысли.

Перья, джип. Доза, взорвавшаяся в моем желудке. Солдат, трясущий меня и выкрикивающий мое имя перед тем, как я отключилась. Он привез меня сюда? Дыхание перехватывает от этой мысли, и я начинаю бешено озираться по сторонам, усиливая чувства до предела.

Звуки становятся громче, но я больше не слышу хлопков, которые меня разбудили. Только собственное дыхание, свое колотящееся сердце и прерывистые неразборчивые шу-

мы из леса. Я сосредотачиваюсь и запускаю звуковые фильтры. Шелест сосен. Крики стаи голубей вдали. И ритмичный стук где-то подо мной.

Это шаги. Кто-то в тяжелых ботинках вышагивает на крыльце.

Сердце колотится о ребра. Должно быть, это солдат. От воспоминания о его черных глазах по телу пробегает дрожь. Нужно придумать, как выбраться отсюда, позвонить Агнес...

Дерьмо. Я совсем забыла об Агнес.

Я закрываю глаза и вызываю коммуникатор. Здесь недостаточно устойчивый сигнал для звонка, но его хватит на сообщение.

«Агнес. Где. Ты. Солдат... схватил меня».

Мозаичные слова появляются перед глазами медленнее, чем обычно. Различные мысли проносятся в голове, отчего панели сложнее распознать их. Я сосредотачиваюсь на имени Агнес в поле получателя. Текст исчезает, но затем высвечивается сообщение, что пользователь вне сети.

«Агнес», – пробую я снова, изо всех сил пытаюсь сосредоточиться на словах. – «Агнес. Ты в порядке? Пожалуйста, ответь».

Значок сети вращается у меня перед глазами рядом с ее именем, пока коммуникатор пытается отправить ей сообщение. Но она все еще вне сети. Она всегда сразу же отвечала мне. Значок перестает вращаться, а затем под ее именем появляется строчка серого цвета:

«Такого пользователя не существует, или он находится вне зоны доступа».

С губ срывается всхлип, прежде чем я успеваю зажать руками рот. Шаги на крыльце затихают. Солдат. Он услышал меня. Я задерживаю дыхание и замираю.

Такое сообщение означает, что пользователь мертв.

Но это невозможно. Я перебираю альтернативные варианты: может, она отключила свою панель, а может, попала в зону блокировки сигнала. Агнес не могла умереть. Снизу открывается дверь, и раздается скрип заржавевших петель. Я зажмуриваюсь.

Возьми себя в руки, Рысь.

Возникший в голове голос резкий, как хлыст. Это не Агнес, но я знаю, что она бы именно так и сказала. Старушка, наверное, накричала бы на меня за то, что я тут сижу. «Хватит хандрить, и встань уже на свои чертовы ноги», – сказала бы она.

В гостиной подо мной раздаются шаги. Я поднимаюсь с кровати, с трудом преодолевая боль. Не знаю, зачем солдат

притащил меня сюда, но уверена, в этом нет ничего хорошего. Я держусь за живот и осматриваю комнату, выискивая хоть что-то, что поможет мне сбежать.

Одна из папиных серебряных перьевых ручек мерцает рядом с пачкой пыльных записок, лежащих на тумбочке из красного дерева. Я поднимаю ее и кручу в руке. Перо для чернил хлипкое, но оно острое и металлическое, и это лучше, чем ничего. Я сжимаю ручку в руке и иду к дальней стене, у которой лежит мой рюкзак. Опустившись на колени, начинаю рыться в нем. Нахожу грязную одежду, которую несла к Агнес, фильтр для воды, бинты...

И почти килограмм замороженного зараженного мяса.

У меня перехватывает дыхание. Пакет для заморозки мягкий и практически оттаял. Я вытаскиваю его из рюкзака и переворачиваю, чтобы осмотреть. Пакет подрагивает в моих руках, а внутри раздаются хлопки, словно там лопаются пузырьки газа. Именно эти звуки и разбудили меня. Клетка за клеткой начинает взрываться. Куски разлетятся по воздуху в считанные минуты. Этого количества хватит, чтобы разнести полкомнаты.

Я скольжу взглядом по заколоченному окну, и примерный план начинает формироваться у меня в голове. Он опасный и чертовски безумный, но, если сработает, мне удастся выбраться отсюда.

Лестница скрипит под ногами солдата. Я сжимаю перо в зубах, направляюсь к окну и проталкиваю пакет для замо-

розки между досками. Зарабатываю несколько заноз, но мне удается просунуть его, успеть повернуться и спрятать ручку у себя за спиной, до того, как распаивается дверь.

Солдат стоит в дверях и смотрит на меня светло-голубыми глазами, которые, могу поклясться, были черными, когда он схватил меня. Он медленно делает шаг вперед, осматривая все углы, и от этого у меня волосы встают дыбом.

Это не обычный солдат. Он *ходячее оружие*.

Это читается в морщинках на его лице, в свирепости и настороженности его глаз. Он безоружен, но от каждого его движения веет опасностью. Каждый шаг словно сжатая стальная пружина, блеск на лезвии бритвы. Его окружает такая аура, что становится ясно – он жил в военном лагере, выполнял приказы, тренировался и чистил оружие. Руки солдата пусты, ладони раскрыты. И внезапно я вспоминаю, как они сжимали мою шею.

– Добрый вечер, Катарина. – Он протягивает мне руку. – Я лейтенант Коул Франклин.

– Не трогайте меня, – я отшатываюсь. – Не приближайтесь.

Его озадачивает мой испуг. Неудивительно. Наверное, ему даже не знакомо чувство страха и полной безнадежности. То, что чувствует кролик, загнанный волком в угол. И после этих мыслей перьевая ручка в моей руке кажется детской игрушкой. Скорее всего, если я ударю его в бок, он просто засмеется и вытащит ее.

– Я не причиню вам вреда. – Его голос тихий и спокойный.

– Что вы сделали с Агнес?

– Что вы имеете в виду?

Он подходит ближе, а я упираюсь спиной в книжную полку. Мне некуда идти, и нет возможности сражаться. Нет, пока не взорвется мясо, что может случиться в любую секунду. Или может произойти слишком поздно.

– Моя подруга, – говорю я. – Вы выстрелили в нее.

– Нет, я этого не делал. – Он подходит ближе. – Я выбил оружие из ее рук, но не причинил ей вреда.

– Ложь.

Его брови поднимаются:

– Если я убил ее, то кто тогда передел вас и заплел волосы? Я этого абсолютно точно не делал.

Я дотрагиваюсь рукой до затылка. Кто-то вымыл мои волосы, расчесал и заплел «рыбий хвост». Кожа чистая, а на мне черная хлопковая футболка и шорты с логотипом «Картакса».

А я даже не заметила этого.

Открываю рот, но не знаю, что сказать. Прошлым летом я как-то упомянула при Агнес, что волосы мне надоели, и я подумываю их сбрить, после чего она научила меня плести косу «рыбий хвост». Она десятки раз своими проворными пальцами заплетала мои непослушные темные волосы в чистые блестящие узлы. А кожа и волосы пахнут ее лавандовым мылом, которое мы вместе варили в ее подвале в про-

шлом месяце.

Солдат не врет. Агнес, должно быть, выжила. Тогда какого черта она не отвечает мне?

– Ч-что случилось после того, как я отключилась?

Солдат улыбается. Эта улыбка преобразует его лицо, но ни капли не уменьшает мой страх.

– Мы положили вас в ледяную ванну в ее подвале, – говорит он. – Это снизило температуру вашего тела на двадцать четыре часа, что позволило исцеляющему модулю вас подлатать. Она помыла вас и переодела в эту одежду, а мне приготовила суп. Но потом мы решили, что вам будет лучше проснуться в знакомом месте, поэтому я привез вас сюда.

– Почему она не отвечает на звонки?

– Не знаю. Она собирала вещи, когда я уходил. Мне показалось, что она хочет уехать.

Я стиснула зубы. Не верится. Агнес никогда бы не ушла, ничего не сказав мне. Она оставляла мне записку, звонила или отсылала сообщение. Она бы не бросила меня.

Хлоп.

Я стреляю взглядом в окно, где спрятан пакет для заморозки. До сих пор нет никаких признаков близкого взрыва и не видно струек дыма. Нужно задержать его подольше. Он повернулся к окну и нахмурился.

– Кто вы? – резко спрашиваю я, пытаюсь отвлечь его. – Почему вы здесь?

Прищурившись, он еще мгновение смотрит в окно, а за-

тем переводит взгляд на меня.

– Я лейтенант Коул Франклин. И приехал потому, что неделю назад лабораторию и исследовательские файлы вашего отца взломала террористическая организация, также известная как «Небеса».

Я еле сдерживаю смех. Террористическая организация. Это не у нас беспилотники и солдаты, не у нас визжащие реактивные самолеты и ракеты дальнего радиуса действия. Мы не минируем территории вокруг нашей базы, не стреляем в людей, которые приносят нам еду. Самое ужасное, что мы совершаем – взламываем серверы «Картакса», и то это у нас не очень хорошо получается.

– Ничего об этом не знаю, – говорю я.

– Ваш отец в тот момент находился в лаборатории...

– Мы несколько лет с ним не разговаривали. Говорю же вам – я ничего не знаю.

– Мисс Агатта, ваш отец мертв.

Я замираю. Слова повисают в воздухе. Сердце совершает один панический удар, а потом я беру себя в руки.

– Вы, должно быть, считаете меня идиоткой, если ожидаете, что я в это поверю.

Солдат наклоняет голову:

– Верите вы этому или нет, но я говорю вам правду. Террористы загрузили на наши серверы вирус, который уничтожил генкиты в лаборатории вашего отца. А он сам и большая часть персонала погибли от взрыва. Я невероятно сожалею о

вашей утрате, мисс Агатта.

Я сглатываю, вглядываясь в лицо солдата, пытаюсь разглядеть признаки того, что он лжет. Но их нет – никакой нервозности, никаких проблесков вины. Хотя это ничего не значит. Он обученный солдат «Картакса», так что умение врать воспитывалось в нем с пеленок. Я выпрямляюсь и расправляю плечи.

– Вы сказали, это сделали «Небеса»?

Он кивает.

– При атаке использовался изощренный компьютерный вирус, который заразил большинство наших систем. Некоторые из них навсегда выведены из строя.

Я медленно и протяжно выдыхаю. Он точно лжет. Я сотни раз взламывала серверы с хакерами «Небес», но наши попытки уж точно нельзя было назвать «изощренными». Мы лишь действовали по принципу «ломай и хватай». Выбивали дверь и брали все, что плохо лежит. И никогда даже не думали уничтожать генкиты или какие-то файлы.

– Значит, вы приехали рассказать мне об этом? – спрашиваю я. – Не помню, чтобы «Картакс» отправлял кого-то, чтобы лично передать новости.

– Я здесь не для этого.

Конечно, не для этого. Новак говорила мне, что в «Картаксе» творится что-то серьезное – что-то связанное со мной. Может, папа попытался сбежать или отказался выполнять их приказы, и руководство отправило кого-то сюда, что-

бы найти рычаг давления.

Но я не позволю им его получить. Я сильнее сжимаю ручку. Вряд ли получится сильно навредить ему, но, возможно, смогу выиграть время, если воткну ее в лицо. Я переношу вес с ноги на ногу, готовясь взмахнуть рукой, но прежде, чем я успеваю даже дернуться, солдат устремляется ко мне.

Комната кружится. Перед глазами мелькает свет, и я чувствую, как что-то сжимает руки. Я даже не успела ничего понять, а меня схватили, развернули и вырвали перьевую ручку.

– Что за... – с трудом произношу я и хватаюсь за книжную полку, пытаюсь отдышаться и прийти в себя.

Никогда не видела, чтобы кто-то двигался так быстро. Я даже не знала, что такое возможно. Я моргаю и качаю головой, жду, пока мир перестанет вращаться.

Солдат отбрасывает ручку в противоположный угол комнаты.

– На вашем месте я бы этого не делал. Мне бы не хотелось причинять вам боль, мисс Агатта. Но если вы не станете сотрудничать, мне придется импровизировать.

«Мне бы не хотелось причинять вам боль». Еще одна ложь. Все в «Картаксе» это делают. Они лгут и уничтожают любого, кто пытается им противостоять. Ярость заполняет меня. Я пристально смотрю на солдата и подхожу к нему ближе.

– Вы можете сколько угодно угрожать мне, но будете ду-

раком, если решите, что я сдамся без боя.

Солдат морщит лоб. Он открывает рот, но в этот момент рядом со мной раздается шипение, а затем несколько коротких хлопков.

Судя по звукам, человеческие клетки начинают взрываться внутри пакета.

Как же вовремя появился шанс на побег. Солдат поворачивается к заколоченному окну. Мы стоим достаточно близко, чтобы я заметила искру паники в его глазах и почувствовала аромат его кожи. Он пахнет только мылом, потом и стиральным порошком. И ни единого намека на серу.

У моего похитителя нет иммунитета.

Я бы почуяла, если бы он был. Этот резкий кислый запах пропитывает кожу, пока вы защищены от вируса. Солдат заразится, если сейчас не сбежит. И судя по участвовавшим хлопкам, ему нужно сделать это как можно быстрее.

– Вам лучше уйти, – говорю я.

Он удивленно моргает.

– Катарина, что вы творите?

Я поднимаю одну бровь.

– Импровизирую.

Стекло начинает трещать. Мясо подпрыгивает и пенится, пакет для заморозки вздувается и уже скоро взорвется. Я поворачиваюсь, надеясь укрыться под кроватью, но тут в меня врезается тело солдата, а куски взрываются с такой силой, словно в комнате гремит раскат грома.

Глава 6

Внешняя стена спальни взрывается, щепки и осколки пронзают воздух и разрезают кожу. Книжные полки разлетаются по комнате, листы бумаги засыпают пол, а черный дым устремляется в оштукатуренный потолок. Воняет кровью и чумой, а от горячего воздуха перехватывает дыхание. Зажмурившись, я кашляю и стискиваю в ладонях рубашку солдата. Я падаю спиной на матрас, он придавливает меня своим весом, сжимает руками.

Защищает от взрыва.

Кашляя, я отползаю назад. Солдат падает на колени и сгибается пополам, кожа на его плечах порезана на ленты. Глаза цвета полночного неба быстро становятся голубыми. Это какой-то усовершенствованный модуль, которого я никогда не видела. Я смотрю на него, ошеломленная взрывом, а потом понимаю, что он тоже смотрит на меня.

– Вы в порядке, Катарина?

Я моргаю. Мне следует выпрыгнуть через дыру в стене и мчаться сквозь лес. Но я не могу даже пошевелиться. Все как-то неправильно. Он не должен спрашивать, в порядке ли я, после моей попытки его убить. После того, как я заразила его гидрой.

– Ваша нога, – говорит он и тянется к моей лодыжке, пострадавшей от взрыва.

Капли крови на ней смешиваются с блестящими парами облака и превращаются в розовую пену. Зазубренные осколки торчат из кожи, видны царапины, но это пустяк по сравнению с изрезанной кожей на руках солдата.

– Вы пострадали, – говорит он. – Раны нужно обработать.

– Солдат, вы... У вас нет иммунитета.

Я жду, когда его глаза расширятся от осознания случившегося, но его, похоже, интересуют только мои раны.

– Можете звать меня Коул.

Он наклоняется, чтобы осмотреть мою ногу, и его взгляд останавливается на нескольких глубоких царапинах. Его собственная кожа залита кровью, а кое-где из плеч торчат осколки и щепки, но он, видимо, даже не замечает этого, или, возможно, его модули приглушили боль. Он вытаскивает из штанов желтый пластиковый пакет и рвет его зубами. Запах дезинфицирующего средства пронзает воздух, когда он прижимает к моей ноге влажную салфетку, и меня пронизывает острая боль.

– Не трогай меня, – шепчу я, отползая на кровати чуть дальше. Пена и кровь стекают по моей щеке, и я вытираю ее тыльной стороной ладони. – Ты заражен вирусом. Ты вообще слышишь меня?

– Пожалуйста, я не причиню тебе вреда. Я запрограммирован, чтобы защищать тебя.

Я задумываюсь на мгновение. Нельзя запрограммировать кого-то, даже с помощью гентеха, но не это привлекает мое

внимание.

– Почему тебя запрограммировали защищать меня?

– Потому что твоя жизнь важна. Пожалуйста, Катарина. Мне нужно обработать твою рану.

Я чувствую такую растерянность, что даже не сопротивляюсь. Я позволяю ему обработать лодыжку и даже не вздрагиваю, когда меня снова прошивает боль. Коул выглядит совершенно спокойным, несмотря на алый туман, окутавший комнату, и на то, что бесчисленные частицы гидры устремляются в его легкие. Его это совершенно не волнует, но я знаю, что у него нет иммунитета. Я бы учуяла этот запах на коже, я бы...

– Вот дерьмо, – выдыхаю я. – Ты не заражен, верно?

Он качает головой, а его глаза встречаются с моими сквозь клубы дыма. И тут меня озаряет, словно в голове щелкает тумблер.

– Существует вакцина.

– Да, Катарина, – говорит он. – Есть вакцина от гидры.

Это повергает меня в шок. Я встаю и отбрасываю покрытые пеной волосы с лица. Руки трясутся от мысли, что все это может закончиться. Два года ужаса, два года чумы. Мы сможем наконец избавиться от вируса. Я снова вернусь к нормальной жизни, да и весь мир тоже...

Но это все равно не объясняет, почему солдат «Картакса» сидит в спальне моего отца.

– Я ничего не слышала о вакцине. – Я указываю на разру-

шенную стену. – Ты мог подбросить мне это мясо или как-то подменить его. Ты мог это все подстроить.

Вздыхая, Коул складывает окровавленную салфетку у себя на колене.

– Зачем мне это делать?

У меня нет ответа на этот вопрос, лишь какое-то смутное беспокойство. Я скрещиваю руки на груди и, хромя, иду к разрушенным книжным полкам. Пол, скользкий от крови и толстого слоя пены, завален щепками, осколками и обрывками бумаги. Если Коул говорит правду о вакцине, значит ли это, что он не соврал и про папу?

– Если существует вакцина, то почему ученые «Картакса» не рассказали об этом? – спрашиваю я.

– Потому что у них ее больше нет.

Я оборачиваюсь:

– А у кого есть?

– Ни у кого. Хакеры не только разрушили лабораторию твоего отца, но и уничтожили большую часть его работы. Я был одним из немногих испытуемых, кому за несколько дней до атаки ввели вакцину во время теста. У нас сохранились резервные копии фрагментов, но атака была хорошо организована. Большую часть работы твоего отца невозможно восстановить.

Я смотрю на него.

– Это просто смешно. В «Небесах» одни любители, они бы не смогли устроить такой взлом. К тому же, как ты мог

потерять алгоритм? Разве ты не сказал, что его загрузили тебе в руку?

Коул мрачнеет и поворачивает предплечье так, чтобы показать мне свою сияющую панель. Его полоса синих светодиодов даже больше, чем у Дакса. Силикон, из которого создана его панель, выполнен в виде решетки с тысячами ячеек для подключения самостоятельных функциональных ядер – индивидуальных модулей, запускающих каждый из его алгоритмов. Чем больше панель, тем больше функциональных ядер и кобальтовых светодиодов на коже, показывающих, сколько алгоритмов сейчас запущено и изменяют его тело. Но я никогда не видела такой большой панели. Что, черт возьми, у него в этой штуке?

– Вакцина работает как отдельный модуль, – говорит он. – Как только он установлен, то интегрируется с ДНК пользователя, поэтому, даже если я вытащу функциональное ядро из своей руки и вставлю в твою панель, он не сработает. Единственный способ получить вакцину – получить исходный код, но он зашифрован.

Я киваю. Большинство кодов, которые я украдала у «Картакса» для «Небес», тоже были зашифрованы. Нам приходилось подбирать ключи к ним, прежде чем использовать, а это у меня никогда хорошо не получалось. У меня врожденный талант взламывать сети и красть файлы, но для расшифровки кодов требуются совсем другие навыки. У «Небес» для этого есть отдельная команда. К большинству кодов «Кар-

такса» мы легко находили ключи, но некоторые оказывались так хорошо зашифрованы, что мы даже не знали, как к ним подступиться.

– Но у «Картакса» же есть ключ, – говорю я, обращаясь к Коулу, как к маленькому ребенку. – Или они могли бы его подобрать. У них стандартное шифрование. А еще есть процедуры резервного копирования от потери данных.

Коул хмурится:

– Ты много об этом знаешь.

– Не очень. – Я опускаю глаза. – Просто перехватила несколько папиных файлов.

Это опасная тема. Чудо, что Коул еще не сложил все вместе и не понял, что я тоже хакер «Небес», о которых он говорит. Мой генкит внизу, и для тех, кто хоть немного в этом разбирается, не составит труда залезть в сеть Новак.

Судя по данным, которые я смогла расшифровать после последнего взлома «Картакса», там бы очень хотели, чтобы хакер, известный как Рысь, исчез с лица земли.

Коул пристально смотрит на меня.

– Наши ученые работают над поиском ключа, но, по их оценкам, это займет как минимум месяцев шесть.

– Шесть месяцев? – Голова начинает кружиться. Это же вечность. – Какой безумный алгоритм шифрования они на нем использовали?

– Все, что я знаю, это то, что его зашифровал твой отец.

Я резко вскидываю голову. Это бессмыслица. Папа нена-

видел шифрование алгоритмов гентеха, потому что считал, что медицинские коды должны быть доступны всем нуждающимся. Он никогда не стал бы шифровать вакцину, скорее начал бы кричать о ней на весь мир. И отдал бы бесплатно.

– Если папа и зашифровал код, то только потому, что руководство «Картакса» заставило его, – говорю я.

– Мне все равно, кто это сделал, – огрызается Коул. – Главное то, что он заблокирован.

Я вздрагиваю от резких ноток в его голосе и воспоминания о том, как быстро он двигался, когда выхватил ручку из моих рук. Он жестко контролируемое оружие «Картакса». И, думаю, мне не стоит спорить с ним.

– Ничего страшного, что ты мне не доверяешь, – нахмурившись, говорит он. – Меня это не удивляет. В конце концов, ты чертова Агатта. Но я здесь не для того, чтобы сражаться с тобой. – Он вытирает руку о рубашку и достает что-то из кармана. – Я здесь потому, что перед смертью твой отец отдал мне это.

Он протягивает мне карточку. Она белая, поцарапанная и обожженная с одной стороны, а сверху на ней виднеется полустертая гравировка косы. Записка души. В ней зашит закодированный чип, на котором появляется сообщение только после того, как умирает человек, написавший его. Люди используют их, чтобы исповедаться в грехах или сохранить свои секреты. Или сказать что-то сентиментальное. Чего мой отец никогда бы не сделал.

Я нажимаю на кнопку сбоку. На пластике проявляются светящиеся буквы, которые едва мерцают из-за умирающей батареи.

«Коул!

Если потребуется, моя дочь Катарина сможет расшифровать вакцину. Ты должен найти ее и защитить даже ценой своей жизни. Она может стать нашим единственным шансом спасти человечество».

Порыв ветра проносится через дыру в стене спальни. Глядя на слова, я дрожу под одеждой, покрытой кусочками пены. Записка ничего для меня не значит, но почему-то живот неприятно сводит. Скорее всего, это подделка. Что-то сделанное в «Картаксе». Я снова нажимаю на кнопку, но сообщение не меняется.

– Итак, ты поможешь нам? – спрашивает Коул.

Я смотрю на него, затем на записку и переворачиваю ее. Ни разъемов, ни портов. Но как-то же она должна подключаться.

– Помогу с чем?

– С расшифровкой вакцины.

Я прижимаю карточку к предплечью, чтобы проверить, не подсоединится ли к ней мой гентех, но перед глазами ничего не всплывает.

– Я ничего об этом не знаю. Даже не знаю, с чего начать.

Это правда. Я не знаю даже основ подборки ключей, моя работа – взлом. Если Коул говорит правду о вакцине, а уче-

ные «Картакса» не могут взломать код, то я вряд ли смогу им помочь.

– Но Лаклан сказал, что ты сможешь.

– Ну, прости, что разочаровываю.

Я провожу ногтем по шву на боку карточки и снимаю заднюю панельку. Она легко поддается. Внутри крошечный и древний LCD-экран с двумя мизерными кнопками. Я поднимаю голову и осматриваю комнату, ищу ручку, но замечаю рядом щепку и поднимаю ее с пола.

– Что ты делаешь?

Коул наклоняется, чтобы посмотреть, как я нажимаю щепкой на кнопки. Крошечный экран заполняется зеленым текстом, когда мне удастся добраться до операционной системы записки души.

– Ты ломаешь ее.

– Я не собираюсь ее ломать. Просто хочу узнать, кто ее владелец.

Чтобы выяснить, действительно ли она связана с панелью моего отца или это просто часть какой-то сложной игры «Картакса».

Коул смотрит на меня, пока я листаю пункты меню записки с помощью кнопок.

– Откуда ты знаешь, как это делать?

– Ты же сам недавно сказал. Я Агатта. Я много чего умею.

– Верно.

Честно говоря, я никогда раньше не видела записок души,

но мне потребовалось всего несколько минут, чтобы разобраться в ней. Мне всегда легко удавалось понимать программный код. Изучение новых языков программирования я воспринимаю как обычное повторение слов и понятий, которые мне уже известны. Словно я родилась с этими знаниями, и просто требовалось вспомнить их. Папа так же всегда описывал свои ощущения при работе с ДНК.

Дисплей записки мигает, показывая мне регистрационные данные и список людей, которые имели доступ к чипу. Я загружаю данные оперативной памяти. Сообщение, показанное мне Коулом, записали две недели назад, а активировалось оно всего три дня назад. Эта предсмертная записка связана с панелью гентеха. Я нажимаю кнопку в последний раз и чувствую, как сжимается сердце.

На экране мигает идентификационный код. Сто символов шестнадцатеричной системы, которые я знаю наизусть и которые выискивала каждый раз, когда взламывала сервера «Картакса». Внутри образуется пустота. Зияющая, осушающая бездна.

Экран все показал. Коул не врал.

Папа действительно мертв.

Записка души выпадает из рук. Папа действительно мертв. Слова проносятся в голове снова и снова, пока я пытаюсь осознать эту истину.

– Катарина?

– Это правда.

– Да.

– Вакцина, шифрование...

Он просто кивает. Я сгибаюсь и прижимаю руки к груди. Ребра словно неподатливые железные прутья. Не могу дышать. Сердце едва бьется.

В папину лабораторию проникли. Его работу уничтожили, а сотрудники погибли...

– Подожди, а Дакс? – Голова раскалывается. – Дакс Крик? Он работал с папой. Он жив?

Коул кивает, и с моих губ срывается вздох. Я прижимаю руку к стене, пытаюсь одолеть головокружение.

– Крик в порядке, – говорит Коул. – Ему вместе с несколькими сотрудниками удалось выбраться из лаборатории до того, как генкиты взорвались. Ваш отец оставил инструкции и ему тоже. Мы работаем над проблемой вместе, и он постарается присоединиться к нам.

– Дакс хочет приехать сюда?

Коул кивает. Я закрываю глаза, потому что мысли о Даксе пытаются пробиться сквозь что-то внутри меня. Сквозь дверь, которую я сейчас стараюсь закрыть. Чума научила меня справляться с горем, а папина смерть сейчас как угольки в моем кулаке. Я знаю, что могу их раздавить, позволить им дотлеть, сжимая руку, пока они не превратятся во что-то тяжелое и холодное. Алмазы. Но дело не только в горе. Слишком многое на меня свалилось: вакцина, взлом папиной лаборатории, мысль, что я снова увижу Дакса. Это все

словно поток кислорода, который заставляет тлеющие угли вспыхнуть пламенем, угрожающим поглотить меня.

– Скорее всего он оставил какие-то инструкции, но мы пока их не нашли, – говорит Коул, но я едва слышу его из-за шума и пульсации в ушах.

Радость и горе сражаются внутри меня. Эмоции, которые я сдерживала два последних года, устремляются к открытой двери в моем сердце, пытаюсь выбраться наружу.

Но я не могу себе этого позволить. Не могу сломаться. Папа оставил мне задание. Я перевожу взгляд на пластиковые кусочки записки души, но с трудом различаю их из-за слез.

– Катарина?

Я вытираю глаза.

– Прости, – отвечаю я. – Мне... Мне не справиться с этим.

Я разворачиваюсь, толкаю дверь спальни и вслепую выхожу из комнаты, даже не замечая, как врезаюсь плечом в дверной косяк. Не хочу думать о вакцинах или вирусах. Не хочу думать о папе. Мне нужен свежий воздух, свет и пространство. Мне нужно выбраться отсюда.

Ногой нащупываю лестницу, покрытой пеной рукой сжимаю перила, а затем бегу вниз в гостиную и к входной двери. Краем глаза я замечаю военный рюкзак и оружие возле стены. На столе гостиной лежат разобранные винтовки, гранатомет и пара серебряных наручников.

Коул окрикивает меня. Но я, врезавшись во входную дверь, выбегаю на улицу, ожидая, что он бросится вслед за

мною.

Но он позволяет мне уйти.

Глава 7

Не знаю, сколько прошло времени. Может, два, а может, и четыре часа. На улице темно, но, когда я возвращаюсь к озеру, луна уже над деревьями. Горло саднит, глаза опухли, а кожа все еще покрыта грязными разводами от взрыва зараженного мяса, поэтому ледяная вода как откровение. Я захожу в мелководье, погружаюсь по горло, а затем выгибаю спину, чтобы намочить волосы и расплести их под водой.

Над головой плотная полоса звезд сверкает в небе над редкими перистыми облаками. Голуби перекрикиваются между собой, опускаясь к поверхности озера и скользя по воде клювами, чтобы попить.

Как мир может продолжать существовать, когда умерла его ярчайшая звезда?

Дверь хижины распахивается, и на траве появляется желтый прямоугольник света. Затем выходит Коул с полотенцем и чистой одеждой в руках. Он без рубашки, а на его плечах повязка – синие прозрачные ленты, которые напоминают пластиковую пленку.

– Спасибо, что вернулась, – говорит он. Гравий на дорожке хрустит под его ботинками. – Мне следовало подождать, прежде чем рассказывать тебе все. Не стоило обрушивать на тебя так много информации.

– Я в порядке.

Набираю в ладони воду и плескаю в лицо. Я действительно в порядке. Отец учил меня быть сильной. Брать боль под контроль, бороться с ней, отвлекаться на крошечные уколы. На моих ладонях остались кровавые полумесяцы, но дверь в сердце заперта.

– Я готова поговорить.

– Хорошо, – опускаясь на каменистый берег озера, отвечает Коул и кладет одежду с полотенцем позади себя.

Видимо, он искупался, пока меня не было. Свет из хижины падает ему на спину, освещая изгибы плеч, но оставляя в тени лицо.

Рассматривая его, я погружаюсь в воду. До сих пор не знаю, что думать о Коуле. Кажется, он честен со мной, хотя и солдат «Картакса». А папа всегда говорил, что нельзя верить тем, кто носит одежду с рогами. Поэтому у меня не укладывается в голове, как совместить это с посланием, которое он оставил ему.

Я, как никогда, сейчас нуждаюсь в совете Агнес. Она познакомилась с Коулом и, видимо, провела с ним какое-то время, но потом исчезла. Когда я убежала в лес, то звонила ей снова и снова, но перед глазами все время вспыхивало одно и то же сообщение: «Вне зоны доступа. Вне зоны доступа». В голове вновь возникли подозрения, что Коул убил ее, но я тут же запнулась о корни и упала на землю. И почувствовала, как что-то оттягивает карман. Лакричная конфета.

Одна из ужасных, приготовленных Агнес конфет, от ко-

торых я постоянно отказывалась. Раз или два в неделю я ночевала у нее, ела чечевицу и играла с ней в карты, пока не чувствовала желания вновь вернуться в лабораторию. Она всегда на прощание прятала мне в карман лакричную конфету, хотя знала, что я их ненавижу. А так как она сделала это, когда Коул увозил меня в хижину, то, скорее всего, жива и доверила ему заботу обо мне. Но это какая-то бессмыслица. Он солдат «Картакса», а значит, вооружен и опасен.

Последние два года мы прятались от таких людей, как он.

– Почему Агнес поверила тебе? – интересуюсь я.

– Ну, это произошло не сразу. – Тень Коула струится по каменистому берегу и растворяется в воде. – После того, как ты отключилась, она поняла, что я пытаюсь тебе помочь. К тому же ты находилась в таком состоянии, что у нас не оставалось времени на разговоры. Она держала меня на мушке, указывая дорогу, пока мы добивались до ее дома, и в течение нескольких часов после этого, когда я держал тебя в ледяной ванне. Думаю, она изменила свое мнение после обморожения.

Я моргаю.

– Обморожения?

Коул протягивает одну руку, отчего повязка на плече морщится.

– В морозилке закончился лед, а вода, в которой ты лежала, нагревалась. У меня было несколько пакетов для заморозки в джипе. И я достал их, чтобы заморозить побольше

льда, но после нескольких использований пакеты начали лопаться.

Я закрываю глаза, чувствуя, как сводит пальцы от одних воспоминаний. У меня тоже как-то лопались пакеты для заморозки. При встряске внутри них возникает химическая реакция, которая поглощает все тепло. Она такая сильная, что замораживает все, что находится внутри пакетов, но если оболочка рвется и химикаты попадают на кожу, то вы получите обморожение.

Коул сжимает вытянутую руку в кулак, словно проверяя, может ли сделать это хорошо. Он медленно распрямляет пальцы, а затем прижимает руку к торсу.

– После того как лопнул первый, она перестала относиться ко мне настороженно. А после десятого поверила, что я приехал сюда не для того, чтобы причинить тебе боль.

Я с трудом сглатываю, пытаюсь представить, во что превратились его руки. Даже с учетом исцеляющих модулей и обезболивающих алгоритмов это, скорее всего, было мучительно. Неудивительно, что Агнес поверила ему, сварила суп и разрешила остаться. Это все еще не объясняет, почему она ушла, но зато я перестаю беспокоиться.

– Почему ты не вызвал помощь? – спрашиваю я. – «Картакс» отправил бы «Комокс». В нескольких километрах отсюда есть бункер.

– Знаю.

Я тщательно протираю шею, смывая полоски засохшей

пены.

– Ты сказал, что папа оставил сообщение и для Дакса. Он попросил тебя держать все в секрете, не так ли? «Картакс» не знает, что ты здесь.

Коул откидывается на руки и смотрит на меня. В свете из хижины виднеются узкие шрамы на его груди. Это похоже на какое-то усовершенствование, но мне сложно разобрать детали.

– Ты быстро догадалась.

– Я Агатта. Мне казалось, это мы уже выяснили.

– Конечно, – с иронией в голосе бормочет Коул. – Как я мог забыть?

– Кажется, я начинаю понимать, чего хотел от меня папа.

– Я погружаюсь в воду и с усилием натираю руки, пытаюсь смыть следы крови и пены. – Он был гением, но не экстрасенсом. И не мог предсказать, что его лабораторию взломают, а исходный код вакцины уничтожат. Так зачем он отдал тебе эту записку?

Несколько секунд Коул молчит.

– Я... я не задумывался об этом.

– Хорошо, что я это сделала. Он отдал тебе эту записку, как только закончил вакцину, потому что знал – руководство «Картакс» не собирается отдавать ее выжившим на поверхности. Они собирались утаить ее так же, как и все остальное. А папа хотел, чтобы вакцина была в свободном доступе, поэтому оставил запасной план на случай смерти.

Коул подается вперед.

– Это сумасшествие. В «Картаксе» бы никогда не стали прятать вакцину.

– Да? – Я провожу руками по волосам, вытряхивая щепки, запутавшиеся в темных прядях. – Они скрывают все остальное – антибиотики, лечебные алгоритмы. Люди здесь живут с болезнями, от которых легко могли излечиться еще двадцать лет назад. И если захотят воспользоваться кодом «Картакса», то должны переехать в один из бункеров.

Коул фыркает:

– Потому что там безопасно. Люди, живущие в них, защищены от вируса. Но как только появится вакцина, бункеры больше не понадобятся.

Я переворачиваю руку в воде и стираю следы пены со светодиодов на моей панели.

– Что, в «Картаксе» просто так отдадут вакцину? Бесплатно? Не предъявляя никаких требований? Позволят использовать ее кому угодно, даже людям с нестандартными технологиями?

– Уверен, так и будет, – говорит Коул, но впервые за все время его голос звучит неубедительно.

– Конечно, – отвечаю я, брызгая водой в лицо. – Именно так я и подумала.

Когда открылись бункеры «Картакса», большинство выживших после первой вспышки направились туда, и лишь немногие остались на поверхности. Почти все из них сдела-

ли это потому, что не хотели терять контроль над своими панелями. Уже более полувека людям известно, как изменять человеческие гены, но именно в «Картаксе» изобрели первые вживляемые панели. Они усовершенствовали технологии, запатентовали их и выпустили многообещающие модели по всему миру.

Зародыш панели стоит всего несколько центов. Он размером с рисовое зернышко, которое вживляется в руку и разрастается под кожей, как дерево прорастает из семечка. Кабели, металлические узлы, процессоры – все занимает свои места, по одной молекуле раз за разом, разветвляясь от маленького семечка. Их распространили даже в бедных странах, и благодаря первому алгоритму лечения от заражений за несколько лет они появились практически у всех. Последнее столетие горы наноотходов, которые используются во всем от пластмассы до удобрений, пропитали почву и землю, пока планета не утонула в токсинах. Независимо от того, насколько берегли себя женщины, дети все равно рождались с сотнями искусственных химических веществ в крови.

Появление панелей изменило это. Смертность резко снизилась. И количество огоньков на руке стало показателем здоровья человека. В «Картаксе» создали платформу, на которой размещались алгоритмы от имеющих лицензии кодировщиков ДНК, и вскоре люди вылечились от астмы, смогли похудеть, отрастить волосы и контролировать загар. Они могли просто загрузить код и лишиться своих недостатков.

В одночасье вся промышленность встала.

Вот тогда-то и появились генхакеры, и их интересовала отнюдь не красота. Они хотели стать трехметровыми гигантами с цепкими хвостами и втягивающимися когтями. Хотели отрачивать меховую шубу зимой и сбрасывать ее весной. Чувствовать магнитное поле Земли, как это делают перелетные птицы.

Генхакеры словно заглянули в будущее и показали, что люди могут выйти за рамки своей ДНК, ограничиваясь лишь своим воображением. Папа очень любил их, ведь ими двигало лишь желание творить.

Руководство «Картакса» пыталось засудить их за нарушение авторских прав.

И еще задолго до начала эпидемии начало с генхакерами войну за определение понятия «человек». А когда появился вирус и открылись бункеры «Картакса», то меня ни капли не удивило, что в них пускали только после подписания разрешения на контроль панели.

Нет хакеров, нет нестандартных приложений, нет открытого доступа к исходному коду. Отправившиеся в бункер люди согласились, чтобы «Картакс» стер с панелей все. Просто большинством эти алгоритмы использовались лишь для самовыражения, но некоторые не смогли бы без них жить. В моей жалкой панели нет ни одного стандартного алгоритма, потому что их писал папа и никогда не регистрировал в «Картаксе». Если бы я отправилась в бункер, то там бы за-

ставили меня их стереть. Мои исцеляющие модули и модули органов чувств тоже нестандартные. И я бы лишилась их всех.

«Картакс» утверждает, что эти правила защищают людей, но папа видел всю правду, поэтому и придумал запасной план. Он знал, что они утаят вакцину и станут шантажировать ею, чтобы избавиться от генхакеров раз и навсегда.

– Послушай, – говорит Коул, потирая лицо. – Конечно, у «Картакса» жесткая позиция на незарегистрированные алгоритмы, но...

– Жесткая? – переспрашиваю я. – Они пытались объявить преступниками всех, у кого есть генкит. Отрезали доступ к своему коду для всех, кто живет на поверхности, и так же поступят и с вакциной.

– Это смешно. Они хотят распространить вакцину среди как можно большего числа людей. Они не рискнут потерять еще одну вакцину.

Вода превращается в лед. Звуки леса стихают. В голове вертятся его слова словно эхо. Оглушительное эхо.

– Что значит еще одна вакцина?

Но мне и не нужен ответ. Мысли уже несутся вперед, воскрешая воспоминания о папиных уроках про вирусы. В первое лето в хижине он показал мне код, благодаря которому стал знаменитым – гентех-вакцину от гриппа Х.

«Она устойчивая», – сказал он. Раньше вакцины от гриппа хватало только на год, потому что вирус эволюционировал и

мутировал, как голубиное стихотворение. Алгоритм утрачивал свою эффективность, а вакцина устаревала. Такие коды называют хрупкими. Но папин алгоритм действовал совсем по-другому. Он бьет точно в сердце вируса, и от его удара не укрыться, поэтому и работать будет всегда. Поэтому, как только вакцину от гриппа X загрузит большое число людей, он перестанет существовать.

– Это не первая вакцина, верно? – Мой голос дрожит. – Вакцину уже находили, но код оказался хрупким.

Коул кивает:

– Твой отец разработал вакцину в первые месяцы после вспышки, но вирус развивался слишком быстро. И уже через несколько недель код стал бесполезен.

От этих слов в стене моей уверенности появляется трещина. Хрупкий код. Люди создали его, но природа обыграла нас.

Она посмеялась над нами.

– Вот почему «Картакс» не станет скрывать вакцину, – говорит Коул. – Они распространят ее среди как можно большего количества людей. Они станут транслировать ее день и ночь, чтобы убедиться, что победили вирус. Их больше не волнуют незарегистрированные технологии. Их волнует только то, что если нам понадобится слишком много времени на расшифровку кода, мы потеряем вакцину. Ее разработал твой отец, но сейчас...

– Сейчас его больше нет.

Осознание этого обрушилось на меня. Последняя вакцина перестала действовать уже через несколько недель, а Коул сказал, что расшифровка может занять полгода. Если мы прождем так долго, то вирус мутирует и код перестанет работать. А без папы понадобятся годы, чтобы написать еще один.

К тому времени все на поверхности уже умрут.

– Ты сказала, что твой отец придумал для нас план, – наклонившись вперед, говорит Коул. Свет из хижины освещает бугорки на его груди, но я все еще не могу разобрать узор. – Он оставил записку души. Но больше никаких инструкций, ничего. Должно быть, он был уверен, что ты догадаешься сама.

– Знаю. – Я погружаюсь в воду. – Но как это сделать?

– Я думал, ты – Агатта.

– Очень смешно.

Я закатываю глаза, но Коул прав... папа оставил мне это, потому что я его дочь и знаю его лучше, чем кто-либо. Мне просто чего-то не хватает. Какой-то подсказки или инструкции, которые он спрятал так, что их не найдут в «Картаксе», но найду я. Что-то такое, о чем я обязательно догадаюсь.

Коул проверяет повязку на своих плечах, извернувшись так, что свет из хижины падает на его тело. Станный рисунок из бугорков на его груди приобретает очертания, и я встаю, открывая рот.

– Какого черта?

Кожа Коула от пупка до ключиц покрыта шрамами. Линии сморщенной кожи тянутся сверху вниз, от одного бока к другому, пересекая его тело, как живая печатная плата.

– Что с тобой произошло? – Я выхожу из воды. – Почему они не залечили твои шрамы?

Он смотрит вниз и проводит рукой по груди, словно уже позабыл об их существовании.

– Они собирались, но я сохранил их в качестве напоминания.

– Напоминания о чем?

– О том, что они со мной сделали. Я – тайный агент. Знаешь, кто это такие?

Я качаю головой. Я только читала, что о них шептались в сетях «Небес» и в обрывках отчетов, – это не солдаты, а машины, у которых есть нечеловеческие способности. Мне казалось, что это просто слух, но, видимо, нет. Тайный агент. Я вспоминаю, как почернели глаза Коула, когда он с нечеловеческой скоростью выбежал из машины. Как он закрыл меня от взрыва, не обращая внимания на раны.

Теперь понятно, почему он сказал, что запрограммирован меня защищать.

Коул протягивает руку, показывая мне свою панель. От кобальтовых светодиодов вверх по руке тянутся три лей-линии. Они выглядят как татуировки, но это не так. Это трубки толщиной в микрометр и шириной в один слой человеческих клеток, которые слегка выступают над кожей. Большинство

нанитов гентеха перемещаются по кабелям внутри тела, чтобы добраться туда, где они должны сработать. В мышцы, глаза, живот. Наниты могут и сами дрейфовать по клеткам, но кабели действуют как железная дорога, мгновенно доставляя их до места назначения.

Но лей-линии разрабатываются для опасных кодов. Некоторым нанитам нельзя доверять, потому что они не очень хорошо совместимы с остальными модулями. Черные кабели, которые тянутся по руке Коула, могут нести в себе токсичные наниты или соединяться с экспериментальными модулями, которые раздвигают пределы способностей человеческого тела.

Он поворачивает руку, пока панель не оказывается наверху. Кобальтовые светодиоды освещают шрамы на груди.

– «Картакс» вживил мне модули, о которых мне ничего не известно, потому что у меня нет доступа к таким данным, вот что значит быть тайным агентом. Я не могу управлять своей панелью и не помню большую часть своих тренировок. Они стерли мне память, оставив лишь ту часть знаний, которые работают на уровне инстинктов. Единственное, что мне разрешили оставить – эти шрамы. Я так и сделал.

Мои глаза расширяются. Трудно осознать весь ужас, скрывающийся за его словами, особенно когда он с такой легкостью говорит о том, как его разрезали и вскрывали. Не могу даже представить, какую боль, должно быть, он вытерпел, но прекрасно могу прочитать историю его страданий на коже.

Свидетельство жестокости «Картакса». След военных технологий, о которых ему даже не позволено знать.

Коул встает.

– Иногда я даже не знаю, что внутри меня, пока это не срабатывает. Как было с протоколом защиты. Или джипом. Когда я коснулся руля...

– Подожди, – перебила я. – Что ты сказал?

– По поводу джипа?

– Нет, до этого.

– Иногда я не знаю, что внутри меня, пока это не срабатывает?

Сердце замирает. Внезапно все обретает смысл. Глядя на шрамы на груди Кола, я наконец-то вижу, что пытался показать мне папа. Это так совершенно и так мучительно просто. Он прислал мне инструкции, как расшифровать вакцину, но они не в записке души.

Они стоят прямо передо мной, прячась у всех на виду, как стихотворение в голубях.

Они внутри Коула.

Глава 8

– Мне нужен мой генкит, – вылезая из воды, говорю я.

Шрамы Коула и история, которая скрывается за ними, – научный эквивалент размахивания красной тряпкой перед быком. Папа должен был понимать, что мне до зуда захочется покопаться в панели Коула и посмотреть, что же там внутри, и, скорее всего, именно этого он и хотел от меня. Папа знал – единственное, что у меня получается лучше, чем у других, это взлом панели. В пятнадцать я полезла в свой гентех и чуть не убила себя.

И теперь мне просто нужно покопаться в панели Коула. Внутри его есть зашифрованный код вакцины. Что, если и ключ тоже там?

– Куда ты идешь? – Коул протягивает мне полотенце, которое принес.

Я возвращаюсь к нему.

– В лаб-лабораторию, – заикаясь от охватившего меня волнения, говорю я. По коже бегут мурашки. – Мне нужно подключиться к тебе. Кажется, я только что все поняла.

Он приподнимает одну бровь.

– И что же?

– Думаю, послание внутри тебя. Ну, в твоей панели. Или, может, в груди, не знаю, но думаю, что...

– Конечно, – говорит он, слегка запрокидывая голову. –

Классический Лаклан. Но, как я уже упоминал, у меня нет доступа к большинству моих модулей. А системы защиты в них военного класса.

– Я смогу их об-обойти, – дрожа, говорю я. – Знаю, что смогу. Д-давай спустимся в лабораторию, где мы...

– Серьезно? – качая головой, перебивает меня Коул. – Знаешь, ты такая же, как Лаклан. Уровень сахара у тебя в крови невероятно низкий, ты только что очнулась от комы, в которой пробыла несколько дней, и все, что ты хочешь – это залезть в код. Тебе нужно отдохнуть.

– У нас нет времени на отдых. Пока мы болтаем, в-вирус развивается. И я в порядке. Просто в-взволнованна.

– Это не волнение, Катарина. Это шок, и он вырубит тебя, если ты не будешь осторожна. Вытяни руку.

Я поднимаю одну руку.

– Я в п-порядке, видишь...

Только это не так. Рука дрожит, как листок на ветру, и чем старательнее я пытаюсь удержать ее неподвижно, тем сильнее она начинает трястись.

Он спокойно смотрит на меня.

– Я понимаю, что нам нужно торопиться, но ты не сможешь ничего сделать, если свалишься. Сначала ужин, а потом ты сможешь подключиться ко мне.

Я сдаюсь и опускаю вытянутую руку.

– Ладно, уговорил. Значит, после ужина.

Коул выдает мне упаковку дезинфицирующих салфеток,

чтобы обработать царапины на ноге, и отправляет меня в ванную переодеться. Салфетки пахнут как мыло, которое выдавали в школе-интернате – что-то похожее на ваниль, но более дешевое и выразительное, с намеком на аммиак. Я всегда ненавидела этот запах. Он напоминает мне те одинокие школьные годы, которые бы хотелось забыть.

Я провела большую часть своего детства в школе-интернате после того, как умерла мама, а «Картакс» утек папу в удаленную исследовательскую лабораторию. Он пытался уйти, но ему понадобилось больше десяти лет, прежде чем у него получилось. А когда он это сделал, то вытащил меня из школы и купил хижину, где мы прожили целый год до вспышки.

Кажется, с того времени, как мы проводили дни за кодированием, разговорами и чтением, прошла вечность. А воспоминаний о годах, проведенных в школе-интернате, вообще почти не осталось.

Я сижу на полу в ванной и протираю царапины на голени и лодыжке. На кухне гремят кастрюли.

– Надеюсь, ты любишь пасту? – кричит Коул.

От этих слов у меня тут же урчит в животе. Последние полгода я питалась раскрошенными, несвежими питательными батончиками, которые нашла в тайнике одной из пригородных автомастерских. Они питательные, но есть их нужно только тем, кто использует алгоритм изменения вкусовых рецепторов, для которого можно скачать любые арома-

ты. Для меня они на вкус как пыль.

– Паста звучит здорово.

– Хорошо, – отвечает Коул. – Все будет готово через пять минут.

Я протираю лицо и руки последней оставшейся салфеткой и поднимаю одежду, которую мне дал Коул. Все мои вещи лежали в рюкзаке и теперь, после взрыва в папиной спальне, они уничтожены. Коул принес мне на выбор несколько комплектов одежды разного размера, правда, они с логотипами «Картакса», но в целом не так уж плохи. Такие же, как у него, черные брюки-карго и серая майка, приятная на ощупь. И хоть ткань мягкая, я понимаю, что это псевдометаллик – волокно, которое создано из генно-модифицированных бактерий в промышленных чанах. Они не задержат пулю, но, скорее всего, остановят нож. Я натягиваю ее поверх черного спортивного бра и поворачиваюсь к зеркалу.

И тут же вспоминаю, почему обычно в них не смотрюсь.

У меня худое и рябое лицо, а впалые щеки испещрены шрамами от столкновения с деревом прошлым летом. Спутанные волосы торчат во все стороны, а правый клык сильно сколот. Я окончательно и бесповоротно отвратительна.

Обычно мне все равно, как я выгляжу, но вопреки здравому смыслу присутствие мужчины поблизости возрождает старое чувство неуверенности. Словно, несмотря на апокалипсис, мне следует быть красивой. Хотя даже думать об этом глупо, я все равно наклоняю голову назад и вперед под

голой лампочкой, свисающей с потолка, чтобы отыскать то положение, в котором буду хорошо выглядеть. Но все, что вижу – сторевшую на солнце кожу, потрескавшиеся губы и разросшиеся брови над пронзительными серыми глазами, как у папы.

Чем дольше я смотрю на себя, тем больше замечаю его черты, пока не становится так больно, что мне приходится отвести взгляд.

– Хорошо, я иду, – проведя ладонью по все еще влажным волосам, говорю я и выхожу из ванной.

– Мне нужна еще минутка, – кричит Коул из кухни.

Я медленно пересекаю гостиную и замечаю, что рама входной двери на высоте колена с обеих сторон расколота. Там, где была спрятана электромагнитная ловушка, которая должна была выдернуть соединители из коленей незваного гостя. Похоже, Коул добрался до нее прежде, чем она до него. Пол усыпан щепками. Я вздыхаю. Я потратила на нее целую неделю.

Комната завалена различной техникой с эмблемой «Картакса», которую, судя по всему, привез с собой Коул. Еще два спальных мешка и надувных матраса, сумка с одеждой, коробка с продуктами и ужасающий ассортимент оружия. Пистолеты, ножи, лазеры и дробовики лежат на журнальном столике вместе с книжкой в кожаном переплете. Я поднимаю ее и всматриваюсь в обложку, чтобы найти название, а потом, не задумываясь, открываю. И вижу на развороте рису-

нок молодой девушки.

Черные блестящие волосы, широкая улыбка и тонкие черты лица выполнены на бумаге простыми и элегантными линиями. Я пролистываю страницы и вижу еще с десятков ее портретов. Она бежит, смеется, спит. И на всех рисунках она потрясающе красива. Но на одном из них по ее щекам бегут слезы, а бумага словно пропитана страданиями. Я бросаю быстрый нервный взгляд в сторону кухни. Судя по подписям, портреты рисовал Коул, и мне кажется, что он влюблен в эту девушку.

Еще под каждой работой аккуратным почерком выведено имя: «Цзюнь Бэй». Она примерно одного с ним возраста, если учитывать датировки рисунков. На большинстве из них указана дата до начала чумы, а в более поздних стиль немного меняется. Линии становятся более мягкими, более тонкими. Слово образ девушки очистили и выжали, оставив лишь саму суть.

Словно ранние наброски рисовали с натуры, а поздние – по памяти.

– Не трогай это.

Я оборачиваюсь и вижу в дверях Коула. Он переоделся в чистую майку, натянув ее поверх повязок, а в руках держит две тарелки с макаронами, от которых поднимается пар.

При взгляде на него по телу пробегают мурашки.

– Прости меня, я не хотела...

– Положи сейчас же, – ледяным голосом говорит он.

С нечеловеческой скоростью ставит тарелки на обеденный стол и пересекает комнату. А затем неразличимым движением выхватывает скетчбук, и я чувствую, как по спине пробегает холод. Еще секунду назад он казался милым парнем, который готовил ужин, но в мгновение ока вновь превратился в хорошо тренированное оружие «Картакса».

Он выдергивает скетчбук из моих рук, и тот раскрывается на рисунке девушки со слезами на щеках. Коул пристально смотрит на него, закрывает и кладет на столик рядом с начищенными ножами.

– П-прости, – снова говорю я и замолкаю, когда понимаю, как жалко это звучит.

Я два года прожила в одиночестве, скрываясь от дурманщиков, защищая хижину и делая все возможное, чтобы не умереть. Только что узнала, что папа умер, что есть вакцина от гидры и что ее судьба в моих руках. И пусть я скорблю и устала, но меня не назовешь слабой, и я не позволю расстроенному солдату «Картакса» командовать мной в моем же собственном доме.

Я скрещиваю руки на груди.

– А знаешь что? Ты в моем доме, солдат. Ты заявился без приглашения, и тебе никто не разрешал заваливать мою гостиную вещами, а потом огрызаться из-за того, что я что-то взяла. Может, не стоило брать с собой скетч-бук, если тебе не хочется, чтобы я его трогала? Зачем она тебе в этой миссии?

Он встречается со мной взглядом, и я вижу, как дергается

мышца на его челюсти.

– Это все, что у меня осталось. Думаешь, в «Картаксе» позволят мне вернуться, когда узнают, зачем я приехал сюда? Они отдадут меня под трибунал. И уничтожат все мои вещи. Я пожертвовал своей жизнью ради короткой записки твоего отца, так что прости, если тебя расстраивает, что я разложил свои вещи в твоей гостиной.

Я открываю рот, а затем закрываю его. Не знаю, что сказать. Я не думала о том, чем рискует Коул, придя сюда. Конечно, в «Картаксе» его отдадут под трибунал, если узнают. Я бы удивилась, если они не убьют его.

Одно только это должно убедить меня, что Коул на моей стороне, но по какой-то причине я начинаю из-за этого нервничать.

Он смотрит на меня, а затем отворачивается и идет к обеденному столу.

– Садись. Мы оба устали, и нам нужно поесть. Я положил тебе двойную порцию. Похоже, тебе не помешает есть побольше. Кажется, твой исцеляющий модуль поглощает слишком много калорий. – Он отодвигает для меня стул.

Еще пару секунд я просто стою, а потом медленно подхожу и сажусь. Передо мной стоит тарелка со спагетти в сливочном соусе с травами. От одного ее вида в желудке начинает урчать. Я поднимаю вилку и склоняюсь над тарелкой, медленно вдыхая ароматы.

– Это лучшая еда, которую я видела за последний год.

Он поднимает глаза:

– А чем ты питалась?

Я указываю большим пальцем на стопку упакованных в фольгу питательных батончиков, лежащих в углу.

– По большей части ими. Вокруг практически ничего нет.

Он накручивает на вилку спагетти.

– Правда? Я проезжал мимо фермы к северу отсюда, и мне показалось, что ее поля тянутся на многие километры. Соевые бобы, овощи...

– М-гу, – бормочу я с набитым спагетти ртом. – Это запатентованные продукты. Ты не сможешь переварить их без специального модуля с синтетическими ферментами. Овощи вкусные, но без него несколько дней будет болеть живот. В аду есть особое место для тех, кто придумал распространить на еду средства защиты патентных прав.

– Так ты жила на питательных батончиках?

Я проглатываю еду.

– Я бы не назвала это «жизнью». Прошлой зимой я чуть не свихнулась от того, что приходилось есть их каждый день. Но это лучше, чем умереть голодной смертью.

Он замирает, не докрутив спагетти на вилку.

– Так почему ты не пошла в бункер? «Хоумстэйк» не так далеко, и кто-то из «Картакса» забрал бы тебя туда. Черт, ты же Агатта. Они бы отправили вертолет.

Я пожала плечами:

– Знаю. Они послали их за папой. А затем всадили в него

две пули. Я не собиралась становиться их пленницей.

– С твоим отцом не плохо обращались, Катарина.

Я снова впиваюсь ногтями в ладонь, но это не особо помогает собраться с мыслями.

– Если с ним не плохо обращались, то почему он заставил меня пообещать остаться здесь?

Коул приподнимает бровь:

– Мне бы тоже хотелось это знать.

Я наклоняюсь вперед.

– Я скажу тебе, почему... просто он знал, что идет в клетку, из которой никогда не выберется. И хотел, чтобы я жила на свободе.

Коул осматривает комнату, паутину на потолке, голые стены, пыльную кухню.

– Да, ты с этим отлично справляешься.

Я хмурюсь.

– По крайней мере, я могу уйти отсюда, когда захочу. А в «Картаксе» угрожали папе, когда он попытался уйти. Ему потребовались годы, чтобы вырваться оттуда.

– Вырваться? Я думал, Лаклана уволили из-за гриппа.

– Уволили? – переспрашиваю я, замерев с вилкой у рта.

– Нет, что за бред?

– Погибло тридцать тысяч человек.

– Знаю. Это случилось по вине «Картакса».

Коул молчит и начинает жевать, но смотрит так снисходительно, что мне хочется проткнуть его вилкой. Грипп X был

самым смертоносным вирусом в мире, пока первую строчку этого списка не заняла гидра. Папа создал вакцину, которая должна была принести ему Нобелевскую премию, но «Картакс» зашифровал ее и отказался публиковать исходный код. Вскоре люди начали строить догадки, что может быть скрыто внутри вакцины. Ходили слухи, что код нечистый и за основу взята ДНК собак.

Папа рассказывал, как в первые дни после создания гентеха появлялось множество слухов, что безобидные приложения основаны на генах животных, которые во многих религиях считались нечистыми. Свиной, собак, насекомых. Людям не хотелось, чтобы такие гены плавали в их клетках. Это беспокойство было вполне обоснованно, так как многие алгоритмы создавались на основе исследований, проведенных в предыдущие десятилетия, исследований, которые ученые проводили на крысах. Почти шестьдесят процентов первых алгоритмов гентеха содержали как минимум один ген грызунов. Со временем все изменилось, и такие люди, как папа, изобрели новые, превосходные синтетические гены. Когда он писал вакцину для гриппа X, ему не было смысла брать ген из энциклопедии животных – он мог написать его сам.

И хоть слухи о вакцине были ложными, они распространились как лесной пожар, но в «Картаксе» не захотели расшифровать код, чтобы положить им конец. Сотни тысяч религиозных протестующих отказались загружать вакцину, и многие из них погибли.

– Если бы в «Картаксе» чему-то научились после истории с гриппом, то мир бы не охватила эпидемия, – говорю я. – Сама идея шифрования кода гентеха возмутительна. Люди должны знать, что алгоритмы делают с ними, а значит, должны иметь возможность прочитать их. Но в «Картаксе» не заботятся о людях. Их волнуют только авторские права.

Коул фыркает:

– Шифрование вакцины от гриппа никак не связано с авторскими правами. Вы не можете потакать экстремистам и открывать код, в котором они ничего не понимают, пока вирус убивает миллионы людей.

– Это не потакание! Это открытая честная дискуссия. Люди имеют право знать, что загружают в свои тела.

– А как же дети? Кто выбирает за них альтернативу смерти?

Я бросаю вилку в тарелку.

– Не знаю, но уж точно не руководители «Картакса». Их волнует только власть. Папа знал это, поэтому пытался уйти от них.

– Это он тебе так сказал?

– Он не стал бы мне врать.

Коул забирает мою тарелку.

– Тогда ему не стоило при создании вакцины от гриппа брать за основу ДНК собаки.

Я отталкиваюсь от стола, едва сдерживаясь, чтобы не наорать на него. Сначала Коул ошаршил меня сообщением,

что папа мертв, а теперь поливает его грязью. Я так зла, что с трудом могу контролировать голос, но не собираюсь позволять так неуважительно отзываться о папе.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, солдат. Папа не стал бы этого делать. Он бы нашел альтернативу, а если бы не смог, то не стал бы врать об этом. Он не стыдился своей работы.

Коул пристально и холодно смотрит мне в глаза.

– Верь, во что хочешь, Катарина. Но дай мне знать, когда решишь узнать правду.

Он встает и идет на кухню, а я остаюсь посреди тайфуна скорби с окровавленной левой ладонью.

Глава 9

К тому моменту, как Коул заканчивает мыть посуду, я расчесала волосы, вычистила грязь из-под ногтей и теперь расхаживаю по гостиной. Его слова крутятся в голове, но меня беспокоит не то, что он сказал. Мне не дает покоя то, насколько холодно и зло звучал его голос.

Коул говорил как хорошо подготовленный солдат «Картакса». Истинно верующий и преданный своему конгломерату, захватившему планету. Он не походил на отступника, готового рискнуть жизнью ради короткой записки, из-за которой отправился в самоволку.

Как бы там ни было, создается впечатление, что Коул совершенно не любил папу.

Тогда какого черта он делает здесь?

Сомнение пожирает меня изнутри как огонь, который вспыхнул еще тогда, когда Коул упомянул, что хакеры «Небес» взломали серверы «Картакса» и уничтожили код вакцины. Это просто смешно. Скорее всего, я лучший программист, который есть у «Небес», но даже мне не по силам устроить такой взлом. Но если это не «Небеса», то кто? Кажется, в «Картаксе» решили разыграть какую-то большую партию, которую мне пока не понять. Все, что я знаю: папа умер, но перед этим оставил сообщение для Коула.

По крайней мере, я видела доказательства этому. Держала

их в руках.

И теперь нужно решить, что делать с Коулом. Взгляд скользит по сверкающим наручникам, которые лежат на столике в гостиной. Может, он ждет, пока я расшифрую вакцину, чтобы утащить меня в «Картакс», где они снова смогут взять ее под контроль? Последние два года я пряталась от таких, как он. Так почему папа думал, что я стану с ним работать?

– Готова?

Вздвогнув, я поворачиваюсь к Коулу; он выходит из кухни с моим маленьким потрепанным генкитом в руке.

– Где ты его взял?

– Он валялся на полу. – Он протягивает мне генкит. – Я убрал его с дороги, когда вносил свои вещи. Думаю, он тебе понадобится, если ты хочешь влезть в мою панель.

Я осторожно забираю генкит, и в голове вспыхивает безумная идея. Компьютер хранит резервные копии всех фрагментов кода, которые я когда-либо писала. Каждый алгоритм, каждый отрывок, разработанный мной для «Небес». Но это еще не все. В нем хранятся вирусы и вредоносные программы, которые можно запустить голосовой командой. Если я смогу закачать одну из них в панель Коула, у меня появится шанс сбежать от него, когда он предаст меня.

Может, именно этого и хотел папа. Чтобы я не работала с Коулом, а сражалась с ним. Контролировала его. Чтобы противостояла этому ходячему и дышащему оружию.

– Готова сделать это? – спрашивает Коул.

Я быстро киваю и отворачиваюсь.

– Да, абсолютно готова. Давай спустимся в лабораторию.

Сырые бетонные ступени в задней части хижины ведут в лабораторию, которую папа оборудовал в подвале. Когда я вхожу, срабатывают датчики на двери и, мигая, оживают древние флуоресцентные лампы на потолке.

Здесь полный бардак. На полу разбросаны обрывки заплесневелой бумаги, свидетельствующие о папиной любви к старомодным записям. Черный стеллаж вдоль стены уставлен грязными стаканами и металлическими канистрами с белком, подготовленным к лазерному кодированию. В углу валяется куча разбитых чашек Петри и пробирок, а по полу тянутся провода распотрошенного генкита.

Это минное поле из разбитого стекла и токсичных материалов. Мое самое любимое место в хижине.

– Здесь опасно находиться, – оглядывая комнату, говорит Коул.

Я киваю на метлу у дальней стены.

– Мне нужно несколько минут, чтобы подготовиться. Не стесняйся, если захочешь прибраться.

Он поднимает бровь и прислоняется к дверному косяку.

– Ни за что, Катарина.

Я улыбаюсь, подхожу к рабочему столу и опускаю генкит. Трещина в углу его тусклого экрана неаккуратно заклеена изолентой. Это обычная базовая модель ноутбука, которую

покупают, когда решают начать заниматься кодированием, но не хотят тратить слишком много денег. Профессиональные генкиты могут занимать целую комнату и предназначены для выполнения расчетов по всем возможным перестановкам в геноме человека. У моего генкита есть только экран и клавиатура, поэтому такие модели большинство людей использует для обучения, прежде чем перейти на менее проблемный и более быстрый интерфейс VR. Я десятки раз пыталась подключить слабую видеокарту своей панели к потоку VR с генкита, но это только приводило к техническому сбою. Однажды я найду способ обновить процессоры на своей панели, но до тех пор мне приходится довольствоваться примитивным неуклюжим и простейшим генкитом.

Медленным, поломанным, склеенным генкитом, который я люблю всем сердцем.

Он загружается, и загорается синий экран. Через плечо я бросаю взгляд на Коула, а потом быстро просматриваю файлы, пытаясь отыскать вирус, который смогу загрузить в его панель. Большинство из них предназначены для атак компьютерных систем, но некоторые вредоносны и для гентеха. Своеобразное тайное оружие, поражающее тело. Я написала их после вспышки, когда мир катился в ад. Тогда я была одинока и напугана, а единственное имеющееся у меня оружие – папина винтовка, которой я даже не умела пользоваться.

Но я знала, как программировать.

Троян размером в сорок килобайт бросается мне в глаза

– алгоритм, который вызовет короткое замыкание в проводах Коула и вырубит его, если я назову кодовое слово: «рекумбентибус»¹⁷. Он такой маленький, что проскользнет мимо его систем безопасности, зато даст достаточно времени, если мне оно понадобится.

Я достаю метровый кабель подключения, который намотан на нижнюю панель генкита, и размахиваю им перед Коулом. На конце поблескивает хромированная двухсантиметровая игла.

– Ладно, солдат. Давай подключимся к тебе.

Он распрямляет плечи.

– С помощью иглы?

– Не будь ребенком. Давай руку.

Он с недоверием смотрит на сверкающую иглу, но подходит ближе. Коул не первый, кто так настороженно относится к кабелю – большинство людей их ненавидит. Чаще всего панели обновляются или проверяются по беспроводному соединению, но существуют модули, для работы которых необходимо создавать новую сеть для нанитов, вот тогда и используется кабель. Игла на его кончике полая, и через нее можно пропустить физраствор, в маленькой капле которого содержатся тысячи нанитов. Я всегда использую провод, когда пишу коды. Такое соединение работает быстрее, и не приходится беспокоиться об электромагнитных помехах.

Коул неохотно подходит ближе, не сводя взгляда с изолен-

¹⁷ Recumbentibus (лат.) – отключить, отправить в нокаут.

ты на экране генкита.

– Ты уверена, что это безопасно?

– Он отлично работает. Просто старый и немного медлительный.

Мои слова его не убедили.

– Ты точно знаешь, что делаешь?

Я пристально смотрю на него. Если бы я не наблюдала за ним некоторое время, то подумала бы, что он боится. Но смешно так думать о человеке, который за считанные секунды может убить меня голыми руками.

Ну, было бы смешно, если бы я не планировала закачать трояна в его панель, как только подключусь к ней.

– Конечно, я знаю, что делаю, – отвечаю я. – Сколько раз тебе это повторять?

– Да, да, – перебивает он меня. – Ты всезнайка Агатта, я помню. Но все еще не верю, что ты сможешь обойти систему защиты.

– Посмотрим.

Я переключаю устройство в режим чтения данных, берусь за руку Коула и, перевернув ее панелью вверх, подтягиваю к себе. Панель светится под кожей, а линия светодиодов тянется от запястья до сгиба локтя с внутренней стороны. Под ней, прямо поверх мышц, находится плотный, но мягкий слой силикона, который выращен из зародыша платы, введенной Коулу через несколько дней после рождения. Пока зародыш прорастает в руке, как растение прорастает из семечка, он

перенаправляет нервы и вены вокруг себя. Функциональные ядра внутри силикона действуют как крошечные фабрики по производству нанитов, которые выстраивают и разрушают ленты синтетической ДНК. Они так же могут соединяться в металл или пластик, чтобы создать модули внутри тела. В титан, чтобы обернуть кости, сделать их невероятно крепкими. В оптоволоконные провода, чтобы передавать команды пальцам со скоростью света.

Я умею взламывать и перепрограммировать панели с помощью гудящего генкита, я могу сделать практически что угодно с телом Коула. Остановить его сердце. Отключить подачу кислорода. Отключить все его модули.

Неудивительно, что сейчас ему не по себе. Я подношу иглу к его панели. Кончик на мгновение вспыхивает, и кабель вырывается из моих пальцев, впиваясь в его руку. Он вздрагивает, когда игла исчезает под кожей, а на экране генкита появляется белый текст: «ТРЕВОГА. Несанкционированное использование данного программного обеспечения запрещено».

– Видишь? – спрашивает Коул и тянется к проводу. – Я не знаю пароля, а ты не сможешь обойти эту защиту.

– Тише, – шлепнув его по руке, говорю я. – Дай сосредоточиться. Помолчи немного.

Пальцы танцуют по клавиатуре, я приступаю к работе. Загрузив библиотеки, принимаюсь прощупывать основную структуру системы безопасности. Я пока не собираюсь за-

пускать в него троян. Моя первоочередная задача – взломать систему безопасности и получить доступ к его памяти. Когда все получится, я проверю панель на наличие файлов, оставленных папой, а затем загружу троян, скрыв команду отправки за безобидными нажатиями клавиш. Сложнее всего пробраться внутрь – надо определить, какие алгоритмы запустить, попытаться вспомнить эффективные методы атаки панели.

Я уже давно этого не делала. В последний раз взламывала свою панель, и это было почти три года назад. На тот момент Дакс жил с нами в хижине уже месяц, и я успела влюбиться в него по уши. И хотя мы постоянно флиртовали, еще ни разу не целовались. Сейчас я понимаю, что этого не случилось потому, что мне было пятнадцать, а он боялся моего отца. Но тогда мне казалось, что это потому, что я не очень красивая.

У девочек, с которыми я жила в школе-интернате, была атласная загорелая кожа, идеальные розовые ногти, ресницы, которые росли по четыре из одной фолликулы и так хорошо, что их приходилось подрезать. Рядом с ними я чувствовала себя обычным серым голубем – скучным и неприметным, – поэтому изменила косметический модуль, чтобы он подходил людям с гипергенозом. Но папа отказался тестировать его. «Слишком опасно», – сказал он. А когда я начала упрашивать, рассказал мне, как умерла мама. Как доктор, пытаясь помочь, дал ей шприц с исцеляющим модулем, после ввода которого она умерла за четырнадцать секунд. Как

распадались ее клетки, словно миллиард кричащих ртов, пока она не задохнулась от крови, наполнившей легкие.

Папа не собирался мне помогать, но я считала, что разбираюсь в этом лучше него. Поэтому однажды ночью взломала свою панель и загрузила модуль.

А через тридцать семь секунд поняла, что сгораю изнутри. Остаток ночи прошел как в тумане. Папа утащил меня вниз и подключил к своему навороченному генкиту. Ему пришлось перезагрузить мою панель, чтобы сохранить мне жизнь. Опустившись на колени рядом со мной, он остановил и перезапустил мое сердце, а затем промыл систему, уничтожая все следы вредоносных нанитов. Я выжила не без помощи Дакса. Он помогал мне, пока я восстанавливалась, лежа в подвале, пока кожа на моей спине покрывалась волдырями и отваливалась кусками.

Это был последний раз, когда я послушалась папу, и последний раз, когда взломала свою панель. Я убедилась на собственном опыте, что в жизни есть вещи, которые не стоит менять. На память об этом у меня остался уродливый шрам вдоль позвоночника, но Дакса, похоже, это не слишком заботило. Он сказал, что именно той ночью понял, как влюблен в меня.

От этого воспоминания шрам начинает покалывать, пока я продираюсь сквозь систему защиты Коула, прощупывая панель. Я тестировала алгоритмы и готовилась к взлому своей панели несколько дней, а сама атака заняла больше часа.

Но если мне повезет, то эту панель я взломаю за несколько секунд. Потому что когда я прошла сквозь систему защиты в своей руке, то нашла уязвимость в системе питания. Правда, чтобы ею воспользоваться, мне придется довольно сильно ударить Коула током, но зато я смогу очень быстро взломать защиту.

Первый этап: отвлечь сканер системы безопасности. У Коула в руку вшит искусственный интеллект, который постоянно сканирует панель на атаки и учится защищать себя. Я загружаю вирус в чип коммуникатора и наблюдаю, как ИИ бросается к нему и выстраивает вокруг защиту.

Теперь я могу атаковать батарею.

У каждой панели есть своя система питания – иногда она расположена в предплечье, иногда в груди. Она заряжается с помощью кинетической энергии и метаболизма: получает энергию, когда тело переваривает пищу. Это означает, что можно с легкостью поедать гамбургеры, когда запущены энергоемкие процессы VR, но если при себе только питательные батончики, то придется есть их очень часто. Как только сканер ИИ отвлекся, я подаю с генкита команду послать серию электрических импульсов в руку Коула.

– Так, потерпи немного, – говорю я. – Может быть больно...

– Что? – спрашивает Коул, его глаза сверкают. – Это хоть безопасно? Не уверен, что ты должна...

Рука Коула напрягается, когда его пронзает электриче-

ский ток, тело начинает дергаться, а глаза закатываются, на долю секунды заполняясь чернотой.

– Что за... – выдыхает он, на его виске начинает пульсировать вена.

Он тянется к кабелю генкита, но я снова шлепаю его по руке.

– Сработало, – говорю я. – Подожди, мне нужно сделать это снова.

– Нет... – начинает он, но слишком поздно.

Я уже запустила команду. Ток снова пронзает его тело, отчего глаза Коула становятся просто огромными, а рот открывается в беззвучном крике.

Он сгибается пополам, мышцы яростно подергиваются. Вероятно, его сердце не приспособлено к подобному стрессу, и, уверена, сейчас десятки модулей близки к короткому замыканию, но этот удар током вывел его систему защиты из строя, и последний барьер падает на моих глазах...

Она отключилась. Всего на секунду. Но мне хватает этого времени, чтобы отправить одну команду и бежать. ИИ в бешенстве отпускает чип коммуникатора, и я выключаю генкит, чтобы не повредить его.

Лоб Коула блестит от пота.

– Какого черта ты творишь, Катарина?

– Просто подожди, – говорю я. – Для сброса системы безопасности нужно какое-то время.

– Ты не будешь больше этого делать, – Он тянется к сво-

ей руке за кабелем. – Я не позволю тебе больше бить меня током.

Хватаю его за запястье и вкладываю в свой взгляд всю уверенность, которую только могу в себе найти. Я не позволю ему вытащить кабель. Я еще не залезла в его панель и не проверила файлы на вакцину. Еще не загрузила троян, чтобы обеспечить себе преимущество.

– Я сказала, подожди, солдат.

Я протягиваю руку и включаю генкит.

«ТРЕВОГА. Несанкционированное использование данного программного обеспечения запрещено».

– Видишь? – спрашивает он. – Тебе не удалось обойти защиту. Я же говорил.

Не обращая на него внимания, я печатаю свободной рукой и отпускаю его запястье.

– Я только что сменила пароль. Теперь это мое имя – Катарина.

Он смотрит на меня, затем на экран.

– Святые угодники – выдыхает он. – Ты сделала это.

Генкит пицтит, и на экране появляется меню панели. Список алгоритмов, загруженных «Картаксом», мелькает так быстро, что с трудом можно что-то прочитать. Стоит признать, что большинство из них относятся к стандартным обновлениям, но встречаются и те, о которых я никогда не слышала. Защита аорты от токсинов. Новая полость ячейки. Один из них называется «Вакцина гидры», и при виде ее

сердце начинает биться чаще, вот только она зашифрована. Я не могу запустить ее. Даже не могу оценить ее размер или разобраться, как она работает.

Взлом такого файла потребует больше времени, чем несколько ударов тока.

– Есть какие-то скрытые файлы?

Кожа Коула покраснела и блестит от пота после того, что ему пришлось пережить по моей вине.

– Секундочку, – говорю я, и мои пальцы порхают по клавиатуре.

Я вбиваю команду, чтобы отправить трояна в его панель, завернув в лучший камуфляж, который только возможен. Его система безопасности отключена, но за то время, которое мне требуется на создание и передачу кода, она начинает восстанавливаться. Желудок сжимается от страха.

– Что ты делаешь? – резко спрашивает Коул.

– Я провожу сканирование. Расслабься.

И пристально смотрю на экран. Его система защиты полностью восстановилась, но, похоже, она не атаковала троян. А сканирует память, вероятно, проводя обычную проверку после смены пароля.

– Сканируешь что?

Я с трудом сглатываю, быстро вбиваю очередную команду и поворачиваю экран к Коулу.

– Ищу скрытые файлы, как ты и просил. Результаты появятся прямо сейчас.

Коул переводит взгляд на экран. Там появляются результаты сканирования, и в списке есть штук шесть текстовых файлов.

Один из них называется «Для_Катарины». И от этого у меня мурашки бегут по коже. Я нажимаю на файл, и экран заполняется текстом.

«Катарина!

Моя дорогая девочка, если ты читаешь это письмо, значит, я умер. Знаю, тебе хочется скорбеть, но ты должна кое-что сделать. Я закончил вакцину гидры, которая может стать нашим последним шансом на выживание. Код устойчивый, но не лишен изъянов, так что очень важно, чтобы его загрузили как можно больше людей.

К сожалению, в „Картаксе“ есть те, кто планировал скрыть вакцину и раздать ее только подчиняющимся их правилам и идеологии. И это не только приведет к смерти миллионов людей, но и поставит под угрозу работоспособность самой вакцины. Моя дорогая девочка, ты не должна допустить этого.

В „Картаксе“ меня заставили зашифровать вакцину, чтобы они могли ее контролировать, и я воспользовался таким методом, к которому ты легко подберешь ключи. Ты должна расшифровать ее как можно скорее.

Воспользуйся записями, которые я оставил, и загрузи ее в клонбкс. В Канаде есть заброшенная лаборатория со всем необходимым тебе

оборудованием. Отправляйся туда и как только прибудешь и расшифруешь вакцину, разошли ее всем выжившим. Но помни, ты не должна попасться „Картаксу“, не позволяй им забрать тебя, моя дорогая девочка. Если они найдут тебя, то вновь начнут контролировать распространение вакцины. Лейтенант Франклин защитит тебя, но не забывай, что он невероятно мощное оружие, и, чтобы расшифровать вакцину, вам придется научиться работать вместе.

С любовью, Лаклан».

Покачнувшись, я отступаю на шаг, пока слова крутятся в моей голове.

– Ты видел это? – Я поворачиваюсь к Коулу, но его глаза стеклянные, а лоб нахмурен от сосредоточенности. – Коул? Ты вообще это читаешь?

Он вздрагивает и моргает, завершая сеанс VR.

– Ты видел это? – затаив дыхание, спрашиваю я. – Я знаю, что хотел от нас папа.

Глаза Коула сужаются. Он бросает быстрый взгляд на экран и с противным металлическим звоном вырывает провод из своей панели.

– Господи, – отступив, выдыхаю я. – Что случилось?

– Что случилось? Система безопасности только что прислала мне отчет.

Я закрываю глаза. Троян. Видимо, панель обнаружила его, поэтому Коул выглядит так, словно хочет разорвать меня на

части. Папа написал, что нам придется работать вместе, а я только что нарушила зарождающееся между нами доверие.

Я делаю шаг назад и поднимаю руки.

– Коул, я вытащу его оттуда. Извини, я просто...

– Не хочу ничего слышать, Катарина, – перебивает он, резко взмахнув рукой. – Или, может, стоит звать тебя Рысь?

Воздух застывает. Мое прозвище для «Небес».

– Подожди, о чем ты?

– Система безопасности проверила твой генкит и прислала мне отчет. Ты тот хакер, о котором все говорят.

О нет. Дело не в том дурацком маленьком трояне. Он узнал, что я хакер «Небес».

И это намного, намного хуже.

– Коул, я могу объяснить...

– Именно ты запустила тот вирус, который убил Лаклана. Именно ты все разрушила.

– Что? – Я отступаю и врезаюсь плечом в стену. – Нет, это была не я, и даже не «Небеса», клянусь. Как ты мог подумать, что я навредила бы папе?

– Ты террорист.

– Мы не террористы. И не имеем никакого отношения к нападению на лабораторию. – На подкашивающихся ногах я делаю шаг в сторону, но он тут же хватает меня за плечо и толкает обратно к стене.

– Послушай! – съезжившись, кричу я. – Просто послушай, хорошо? Папа оставил нам план действий. Тебе просто нуж-

но прочитать его записку.

– Ты взломала нашу базу, – рычит он. – И убила собственного отца. Я отвезу тебя в «Картакс», и пусть они сами решают, как с тобой поступить.

– Подожди, – впиваясь в его руку, прошу я.

Но он вытаскивает серебряные наручники из кармана и открывает их. Должно быть, он засунул их в карман, когда я отвернулась.

– Просто проверь свою панель, – говорю я. – Там есть файл...

– Я больше не стану слушать твою ложь.

Он с такой скоростью хватается меня за запястье, что взгляд не успевает уследить за его движением.

И я понимаю, что у меня в запасе только доли секунды до того, как он застегнет на мне наручники и утащит в клетку «Картакса». Я загрузила троян в его руку, и не знаю, успели ли он установиться, но, похоже, сейчас самое время это проверить.

– Рекумбентибус, – молясь, чтобы код сработал, шепчу я. Светодиоды на панели Коула гаснут, и он падает на пол.

Глава 10

Только через пятнадцать минут бледный и покрытый потом Коул начинает шевелиться. За это время я успела приковать его наручниками к раме рабочего стола. Как только я убедилась, что он не подавится своим языком, взяла ген-кит, подключила его и продолжила считывать данные с его панели.

Внутри стояли странные и действительно опасные модули.

Защитный протокол, который изменял цвет его глаз на черный, оказался самым сложным кодом, который я когда-либо видела. Поначалу он выглядел простым. В его панели хранилась моя фотография, и, возможно, фотография папы. Модуль считывал данные с сетчатки Коула и, распознавая меня, сканировал окружение. Всякий раз, когда возникает опасность, из-за которой я могу получить травму или умереть, искусственный интеллект подсвечивает угрозы красным цветом через его интерфейс VR, а затем накачивает адреналином. В результате он оказывается в таком испуганном и дезориентированном состоянии, что готов наброситься на все, что может причинить мне боль.

Но есть в алгоритме и еще один раздел, которого я не понимаю. Целые страницы кода ссылаются на различные файлы, которые кажутся бессмыслицей. Судя по стилю, его на-

писал папа, но код не похож ни на что, написанное им ранее.

Он вообще не похож ни на что, написанное кем-либо.

Просто гентех не изменяет ДНК. Он не скрещивает ее – не вырезает гены и не заменяет их новыми, – даже если большинство людей так считает. До изобретения гентеха люди думали, что скрещивание – единственный способ изменить ДНК, но он вызывал множество проблем. Тело помнит, каким было создано. Скрещивание генов в ДНК может навредить ему и привести к скоропостижной, мучительной смерти.

Вместо этого большинство гентехов создает цепочку белков, которые обволакивают ДНК. Как одежда укрывает тело. Под ней тот же человек, который может переодеваться, чтобы выглядеть по-другому. Вот почему нужна панель – ДНК постоянно пытается снять с себя одежду и вернуться в изначальное состояние, но алгоритмы все время заставляют ее «одеваться».

Но ДНК Коула под слоями кодов все еще выглядит измененной, что невозможно. Конечно, я могла неправильно считать данные с его панели, но что-то мне подсказывает – то, что оставило шрамы на его груди, оставило еще большие шрамы на его ДНК.

– Что... – пошевелившись, бормочет он. – Где я?

Я отрываю взгляд от экрана.

– В Южной Дакоте, насколько я знаю.

Он пытается поднять руки, но наручники сковывают дви-

жение. Он дергается вперед, и рабочий стол сотрясается, но вырваться Коул не может. Железный огнеупорный каркас привинчен болтами к стене. Коул рычит.

– Что, черт возьми, ты со мной сделала?

– Я вырубил тебя небольшим алгоритмом. Думаю, он не очень хорошо влияет на твою нервную систему, так что, пожалуйста, не вынуждай меня делать это снова.

– Ведь знал, что не стоило позволять тебе приближаться к моей панели. – Он переводит взгляд на генкит, а затем прослеживает, куда ведет кабель – к его предплечью. – Что ты делаешь?

– Читаю.

– Вытащи это.

– Я не причиню тебе вреда.

– Просто вытащи кабель. – Его голос напряжен, а лоб блестит от пота.

– Ладно, ладно.

Я вбиваю команду, и кабель выскальзывает из его руки, ползет по полу и складывается в заднюю панель генкита.

Он закрывает глаза.

– Спасибо.

Взглянув на него, я поднимаю бровь.

– Прости, что вырубил тебя, но ты хотел надеть на меня наручники. У меня не оставалось выбора. Но тебе не стоит меня бояться.

– Ага, так я и поверил. – Он качает головой. – Еще скажи,

что ты боишься *меня*.

– Ну... – бормочу я. – Ты вообще себя видел?

Он улыбается, но улыбка выходит горькой.

– Я всего лишь солдат, Катарина. Сильный, тренированный. Но ты кодировщик, как Лаклан. Большинство людей боится парня с пистолетом, но им стоило бы бояться того, кто держит в руках кабель генкита. Миром правит не оружие, а алгоритмы. А их всегда контролируют такие люди, как вы.

Опустив глаза, я вспоминаю выражение его лица, когда подключала кабель генкита. Он нервничал, потел и вздрогнул, почувствовав иглу. Не думала, что он на самом деле боялся того, что я могу с ним сделать. Я видела шрамы на его груди. И они были получены не в бою.

А в лаборатории.

Чувство вины сжимает желудок. Я боялась Коула с первой секунды его появления, но он ни разу даже не попытался причинить мне вред. А что сделала я? Воспользовалась зараженным мясом, чтобы взорвать стену, отчего он пострадал. После воткнула в него генкит и ударила током. Теперь загрузила троян и вырубилa одним словом.

Конечно, он боится меня.

Я кусаю губы.

– Прости. Думаю, мы не очень хорошо начали.

– Чертовски мягко сказано.

Я встречаюсь с ним взглядом.

– Послушай, папа оставил план по расшифровке вакцины. В твоей панели есть файл, где все написано. Прочти и сам все поймешь.

Его глаза стекленеют, а затем бегают из стороны в сторону, когда он загружает сеанс VR. После долгого молчания Коул встречается со мной взглядом.

– Все, что нужно, это заметки твоего отца и клонбоксы.

Я на секунду задумываюсь, вспоминая записку. Клонбоксы – уникальные машины, которые используют для изучения кода, запущенного внутри живых клеток, их сложно достать. Но это не все, что попросил нас сделать папа.

– Нет, еще он сказал, что нам нужно найти лабораторию, которая находится где-то в Канаде. Он не оставил точных координат, но, думаю, мы найдем подсказки.

– Я знаю, где она, – бормочет Коул.

– Откуда?

– В Канаде есть лаборатория «Картакса». В ней когда-то работал твой отец, и сейчас она заброшена. Должно быть, именно ее он имел в виду.

– Хорошо, – кивнув, говорю я. – Значит, нам нужно собрать все записи папы, отыскать лабораторию и отправиться туда, а по дороге где-то достать клон-боксы.

Коул несколько секунд просто смотрит на меня.

– Нет никаких «нас», Катарина. В «Картаксе» есть клонбоксы и лаборатории, к тому же не думаю, что они станут утаивать вакцину. Поэтому, скорее всего, я скопирую замет-

ки твоего отца и отвезу их в «Картакс», а тебе придется действовать самостоятельно.

Я вздыхаю.

– Мне нужна копия кода вакцины, которая в твоей руке. Кроме того, я не смогу добраться до Канады на велосипеде.

– Почему бы тебе не попросить своих друзей-террористов о помощи?

Я сжимаю руки в кулаки.

– Я говорила тебе, что они не террористы. Все, что они делают, это передают людям медицинские коды.

– Но кто-то же напал на лабораторию твоего отца.

– Знаю, и уверена, что это не «Небеса», но это не означает, что я доверяю им. Они неорганизованны, их хакеры пишут корявые коды, и в «Картаксе», скорее всего, прослушивают их сеть. И если бы папа хотел, чтобы я обратилась к ним за помощью, то так бы и написал. Но в записке указано, что нам нужно работать над этим вместе.

Коул прислоняется к столу и вздыхает.

– Ну, у нас пока «прекрасно» это получается.

Я тру руками лицо. Он прав – мы попали в нелепую ситуацию. Как я собираюсь пересечь с ним всю страну, если даже не могу заставить себя снять с него наручники?

Должен быть способ сработаться. Папа рассчитывал на это. Все человечество рассчитывает на это.

Я скрещиваю ноги и поворачиваюсь так, чтобы оказаться к нему лицом.

– Зачем ты вообще приехал сюда, Коул?

Он приподнимает одну бровь:

– Думал, мы уже обсудили это. Надвигающийся апокалипсис, расшифровка вакцины, помнишь?

– Нет, я имею в виду – почему именно ты? Ты жил в безопасности на базе с воздушными шлюзами и едой, к тому же сразу件нятно, что тебе не очень хочется участвовать в этом. Но папа выбрал тебя, и мне хочется знать почему.

Он запрокидывает голову, не сводя с меня взгляда.

– Почему я должен рассказывать тебе это?

– Надвигающийся апокалипсис, расшифровка вакцины. Помнишь?

Он еле заметно улыбается и обводит меня взглядом своих светло-голубых, налитых кровью из-за трояна глаз.

– Я не бессердечный солдат, каким ты меня считаешь, и точно не идиот. Если мы не расшифруем вакцину, то человечество обречено. Конечно, я сделаю все возможное, чтобы предотвратить это.

– Так папа знал, что ты собираешься уйти в самоволку, потому что хочешь стать героем?

Он поджимает губы.

– Это не единственная причина.

– Продолжай.

– Может, снимешь с меня наручники, и мы поговорим?

– Даже не надейся, солдат, – я фыркаю. – Но попытка была хорошая.

Скривившись, он устраивается поудобнее, и наручники звенят, проезжаясь по каркасу лабораторного стола.

– Я хотел уйти из «Картакса». Пропал близкий мне человек, который, возможно, находится на поверхности, и я собирался его найти. Твой отец знал об этом. Он обещал помочь мне выбраться оттуда, чтобы я мог отправиться на поиски.

– О, – протянула я. – Он тоже знал этого человека?

Коул кивает, но тут же замирает, словно не хотел мне об этом говорить. Судя по его тону и напряженному взгляду, он вообще не собирался рассказывать мне об этом. Сразу понятно – это личное, но я не могу исключить возможность, что это как-то... связано с вакциной, еще одна подсказка, которую папа оставил для меня.

Прокручиваю в голове все наши разговоры. Кажется, он не упоминал о семье и друзьях, но в альбоме я видела портреты девушки. Переведя взгляд на потолок, пытаюсь вспомнить имя, аккуратно написанное под каждым рисунком.

– Цзюнь Бэй.

Он застывает. Мне даже не требуется ответ – по его реакции становится ясно, что моя догадка верна. Он выглядел так же, когда увидел, что я листаю скетчбук. Словно рассматривая ее портреты и называя ее имя, я вторгаюсь в его личную жизнь. Что бы ни происходило между ними, это не закончилось. Когда я произношу это имя, в его глазах отражается страдание.

Через несколько долгих напряженных минут Коул кивает.

– Да, это она. Мы потерялись давно, и ее нет на базах «Картакса», так что не уверен, что она жива. Но она могла прятаться на поверхности, как и ты.

Кивнув, я переплетаю пальцы. Еще один кусочек пазла встает на место. Теперь понятно, почему Коул так идеально подходил папе. Без сомнений, он способен защитить меня, и данный мотив выделяет его среди прочих.

Это надежда.

Несмотря на то что последние два года в мире царят ужас и смерть, Коул все еще верит, что девушка, которую он когда-то знал, жива. И это безумная надежда. Практически мольба. Он уехал с безопасной базы «Картакса» и рискует своей жизнью ради невысказанной возможности. Если я смогу связать надежды Коула с планом, который оставил папа, то, что-то мне подсказывает, нас уже ничто не остановит.

Я разъединяю руки и перевожу взгляд на Коула.

– Если Цзюнь Бэй на поверхности, то она не сможет получить вакцину от «Картакса». И каждая минута, которую мы тратим на споры, может быть для нее последней. Единственный способ защитить ее – помочь мне расшифровать вакцину и распространить среди как можно большего количества людей. Не позволить «Картаксу» скрыть ее. Вот почему папа выбрал тебя для этой миссии.

Он отрицательно качает головой:

– Не думаю, что «Картакс» ограничит доступ к вакцине.

– А ты готов рискнуть жизнью Цзюнь Бэй?

Он сжимает челюсть.

– Я даже не знаю, жива ли она.

Я прислоняюсь к стене. Он прав. Внутри его горит свеча надежды, но этого недостаточно для того, чтобы пойти против всего, чему его учили. Ему нужно что-то большее. А раз папа собирался помочь ему найти девушку, то тоже верил, что она жива.

Я подтягиваю свой генкит ближе.

– Ты знаешь ее идентификационный код?

– Я уже искал его повсюду. Если она и входит в сеть, то хорошо маскируется.

– Ого, маскировка, – бормочу я, открывая генкит. – И как это я об этом не подумала? Так какой же у нее персональный код?

Он молча смотрит на меня, не впечатленный моим сарказмом.

– Слушай, я просто пытаюсь помочь, – вздыхаю я. – Может, у меня получится ее найти.

Он закрывает глаза и произносит шестнадцатеричный код, привязанный к панели Цзюнь Бэй. Я вбиваю его в файл, а затем захожу в сеть «Небес», чтобы поискать его. Если она живет на поверхности, то, скорее всего, использует их спутники. Когда экран моего генкита чернеет и остается лишь мигающий курсор, пальцы стучат по клавиатуре, вбивая команды.

Для начала я залезаю в древние приложения, которые в «Небесах» используют для управления спутниками. Судя по результатам быстрого сканирования, персональный код Цзюнь Бэй никогда не появлялся в сети. Но если она использует маскировку, мне придется запустить рекурсивную проверку по наиболее распространенным методам шифрования. Загрузив несколько проверок, я получаю обрывки кода и вновь проверяю их, пока вентилятор моего генкита не начинает трещать. Миллионы пользователей и персональных кодов, большинство из которых замаскировано. Бесчисленные входы в сеть каждую секунду каждого дня...

– Ох, – замирая, выдыхаю я.

Коул со свистом втягивает воздух. И когда я поднимаю глаза, то вижу, насколько он бледен.

– Что? Ты что-то нашла?

Я поворачиваю к нему экран.

– Не знаю, жива ли она сейчас, но три дня назад она выходила в сеть на севере Австралии.

Коул каменеет. Я вновь разворачиваю генкит к себе, чтобы попытаться поточнее определить ее местонахождение. Неделию назад она выходила в сеть на севере Зимбабве. Но это какая-то ошибка. Даже чиновники «Картакса» не летают по миру в наше время.

Я перехожу на другое сканирование и почти сразу же получаю результат, так как узнаю метод шифрования, который она использует. И то, что я вижу перед собой, меня поража-

ет. Она формирует не только ложный код, но и место выхода в сеть. Москва, Пекин, Антарктида, поселения в Сахаре. Где бы ни находилась эта девушка, она не хочет, чтобы ее нашли.

– Подожди, она не в Австралии, – говорю я, пытаюсь разобратсья в данных. – Думаю, она в США, но не могу сказать точнее.

Я поднимаю глаза на Коула. Его челюсти сжаты, глаза зажмурены, а плечи дрожат...

Черт. Он плачет.

Я отворачиваюсь. Это неправильно. Он не должен сидеть, прикованный наручниками к столу, не так. Он только что узнал, что девушка, которую он любит, все еще жива.

– Я, ох... давай найду ключ от наручников. – Я шарю руками по полу, стараясь не смотреть на него. – Прости, не знаю, куда он упал...

Коул поднимается с пола, потирая запястья. Разломанные наручники валяются на бетоне, изогнутая и скрученная сталь сверкает в свете ламп. Он вытирает глаза тыльной стороной ладони.

– Я помогу тебе, – протягивая руку, говорит он. – Я в деле, Катарина. И сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь расшифровать вакцину.

– Ого, – выдыхаю я, чувствуя, как звенят нервы. Затем с опаской протягиваю ему руку, и он помогает мне подняться. – Ты уверен?

– Она жива, – кивнув, говорит он, а в его глазах пылает

пламя. Огонек надежды, который горел раньше, разросся до неудержимого пожара. – Она жива и прячется где-то на поверхности, а значит, ты права. Пока мы не расшифруем вакцину, она не будет в безопасности. Поэтому я сделаю все, что ты попросишь. Мы не поедem в «Картакс». Я спрячу тебя от них и доставлю туда, куда ты попросишь. Я не рискну потерять ее снова.

– Хорошо, – шепчу я, чувствуя, как шевелятся волосы на затылке.

От Коула исходит низкая гудящая энергия. И кажется, что захламленная лаборатория сжимается вокруг него. А он стал центром этой вселенной. И наделен такой силой, что может разнести весь мир на куски, если захочет.

«Невероятно мощное оружие», – писал про него папа. И впервые я понимаю, что он имел в виду.

– Мы уедем завтра, – осматривая комнату, говорит он. – Мы соберем все записи Лаклана и изучим их по дороге. Достанем клонбокс – или украдем, если придется. Нам нельзя терять ни минуты. До лаборатории можно добраться за день, если дороги пусты.

– Хорошо, – соглашаюсь я, все еще смотря на Коула.

Но он даже не слышит. Он уже составляет план поездки в лабораторию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.